

Расшифровка интервью

Дата: 19.05.2019

00:00:05

Вы будете красивым!

Поехали!

00:00:10

Поехали.

Это Екатерининский парк, Екатерина Великая всегда, когда следовала из Петербурга в Москву, она останавливалась здесь, в Валдае. Здесь, вон там, ее домик, в котором она останавливалась. А вот это часовня, церковь Екатерины. Сейчас там Музей колоколов расположен. В этом парке первоначально был установлен наш памятник.

00:00:38

А что это за памятник? «Наш» — это что значит, «наш»?

Памятник жертвам политических репрессий. Установлен он был крайне неудачно моим предшественником, прежним председателем. Ему так ткнули пальцем, он согласился не думая. Его поставили, значит, памятник на полугоре. Представлял он собой валун, камень карельский, и на нем сделали плиту с тремя словами: «Жертвам политических репрессий». Обвито вроде колючей проволокой, так обрамлено. Размер доски этой гранитной очень был небольшой, где-то примерно 40 на 30 всего сантиметров. [Оператору] Ой, а я боюсь вас.

00:01:35

Да?

00:01:37

Меня взяли на прицел, а я военный.

00:01:40

Обещаю не стрелять.

00:01:42

Ну ладно.

00:01:44

Мы можем белый флаг повесить прямо там.

Боюсь под прицелом ходить. Ну вот. Сейчас это... Девочки занимаются зарядкой, видали? Размахивают. Сейчас парк стал жиденький, большие деревья вырубил все, потому что они очень выросли большие, стали уже неустойчивыми, подгнили кое-где, опасными, их убрали. Парк стал такой светлый, просторный, кажется. Детская площадка, скамеечки для отдыха. Вон физкультурники, пожалуйста, как в музее.

00:02:29

Борис Олегович, а вот памятник жертвам политических репрессий — в Валдае таких людей много, кто пострадал, или нет?

Я принял эту организацию под свое крыло, так сказать, избрали меня председателем в 2002 году. Это 20 лет исполнится в будущем году. Когда я принял, было 160 человек, 160 жертв политических репрессий. Сейчас осталось 40.

- 00:02:59 **Но это уже, наверное, всё-таки дети, дети пострадавших? Или есть кто-то, кто сам?..**
- Дети-то дети, но мы же сами побывали и в ссылке, и на спецпоселениях Вот, допустим, родителей арестовали, раскулачили, загнали в Воркуту. А детей вместе с ними, они же тоже жертвы.
- 00:03:16 **Да. И когда около памятника собираются, если собираются?**
- Собираются. Девочки, крутите, крутите, полезно, давайте, разминайтесь.
- 00:03:32
- Талию делаем, талию.
- 00:03:33
- Талию делаете, талию. [Нрзб] Он говорит: «Ну пойдем на танцы, попляшем там» — «Ну давай». Приглашает даму на вальс, ведет по спине рукой: «А где у вас талия?»
- 00:03:56 **«Она была раньше здесь».**
- Она так возмутилась! Конечно, парк сейчас уже как ошипанный стал. [Оператору] Не надо меня постоянно [снимать]. Не надо, не надо, эпизоды возьмете, когда надо, а постоянно зачем?
- 00:04:17
- А мы на монтаже вырежем.
- 00:04:19
- Не надо, не тратьте пленку.
- 00:04:22 **Цифра, ее много. А почему именно здесь решили этот памятник ставить?**
- А вот я не знаю. Это администрация ткнула пальцем.
- 00:04:32 **Ну, «пускай будет здесь».**
- «Пускай будет здесь». И поставили его вот на этой полугоре, вот за этим кустом, видите? Памятник обращен лицом туда, плитой. Собираю народ — ни сесть, ни встать, неудобно. Скамейки не поставишь: всё падает. На косогоре. Не поставишь, люди стоять не могут, все старые, всем... Когда я принял, я был самый молодой, мне было 60 с небольшим. Да, 65. Сейчас 85.
- 00:05:12 **85?**
- Да.
- 00:05:14 **70! Борис Олегович, да 70!**
- Да если б не ноги, и на 60 бы выглядел. Вот там стоял этот памятник. Представьте: на полугоре как можно разместиться людям? Собирается 30-40 человек — и никак ни сесть, ни встать. Мучился я, мучился года три. Стал вопрос ставить перед администрацией о переносе памятника. Они говорят: «Ну как же, как же? Место определено, всё нормально. Располагайтесь там». Я говорю: «Понимаете, люди-то пожилые, старые, стоять не могут, им надо сесть, скамейки поставить — а они падают на косогоре». Наконец добился, разрешили

мне перенести: «Выбирай место». Я выбрал место вот там, где эта коряга растёт, вот там. Почему я выбрал здесь? Во-первых, ровная площадка, скамейки здесь, так? Во-вторых, туристическая тропа. Туристы у нас ездят так: приезжают в Валдай, куда в первую очередь? Иверский монастырь. Из Иверского монастыря приезжают сюда, по этой тропе, «Лестница-чудесница» называется, поднимаются — и вот он, памятник, прямо здесь, у тропы. Место самое удачное было, самое хорошее: все останавливаются, смотрят. В Валдае-то люди помнят страшные времена, не дают забыть. Хороший памятник поставили. Хотя он нехороший был.

00:06:46

Нехороший?

Вот такая табличка. Я вам покажу эту табличку, она у меня, я скovyрнул, она у меня осталась на даче. Я с чего начал: перетащил. Да, добивался долго, не получилось ничего, не дают разрешения сначала. Тогда партизанским методом раздобыл плиту, притащил её сюда, нанял автокран, вот там её поставили. Дерево мешало, я его ночью вырубил, выкорчевал сам, перетащил, в отвал сбросил. Сделал площадку и камень этот перетащил. Поставил перед фактом администрацию. Они пришли, развели руками: ну что делать? Ну ладно, поставил и поставил. Но место-то хорошее, как раз у тропы. Памятник, назначение его — будить память, правильно? Напоминать о страшном прошлом, чтобы люди не забывали. А не где-то на отшибе. Потом возмутились музейщики, что как это — парк Екатерины, тут аттракционы, танцы-манцы-обжиманцы и тут памятник скорби. «Не годится, убирайте». Дело до Москвы дошло, они в управление культуры обращались, приехала комиссия: «Да, это не место для памятника». Администрации дали команду: убирайте памятник.

00:08:11

Через суд? Прямо через суд убрали памятник?

Администрация меня вызывает: «Так и так, Борис Олегович, надо убирать, иначе мы штрафы будем платить громадные». Я говорю: «Ну куда? Ну давайте к Вечному огню. Там у нас есть Вечный огонь, там комплекс памятников: жертвам Революции, героям Отечественной войны и прочее. Давайте туда до кучи». — «Нет, там уже комплекс узаконенный, установившийся, там ему не место». — «А где место?» — «На кладбище». — «Нифига себе... Вы нашли нам место на кладбище. Что у нас больше иного места нет?» Ну ладно, поехали на кладбище. А там как раз строили новую церковь, прямо у ворот. Я посмотрел-посмотрел: «Слушай, выхода нет никакого. Ну давайте здесь, слева». Определились с местом, давайте перетаскивать памятник. А никак, не получается. Техники нет, ничего. Эта доска мне как мозоль уже старая. Я занялся переделкой памятника. Срубил эту плиту, заказал новую, она обошлась мне где-то 60, по-моему, тысяч, такая гранитная плита хорошая, с изображением скорбящей матери: мама плачет. Поставили. Плита выглядит замечательно, памятник прямо совсем преобразился. Люди останавливаются ахают-охают. И застал такую сцену: женщина вот так вот упала локтями на эту плиту и рыдает. Я говорю: «Что вы так плачете?» — «У меня все родные репрессированы, все перегибли в ссылке. Я чудом выжила. Я понимаю, что это такое. Это вам низкий поклон за то, что вы поставили и обновили эту плиту, сделали». Ну ладно. Потом наконец решился вопрос с техникой, помогли мне перевезти памятник на кладбище, поставили его там. Сейчас мы поедem туда.

00:10:20

То есть он живет на кладбище?

Да, да.

00:10:22

Среди...

Место было хорошее, пока его [нрзб] опять не изгадили. Владелец кладбища [нрзб] не управляющий, не директор и не смотритель, а он владелец, он взял в аренду...

00:10:42

У нас же государственные кладбища.

Не-ет! Всё уже в частной собственности. [Он говорит:] «Земля моя». Стал строить там сарай, я говорю: «Что ты делаешь?»

00:10:52

На кладбище?

Да, рядом с памятником. Была такая открытая площадка, подход был хороший, удобный, и можно было свободно подойти, встать людям, скамеечки поставить. Короче говоря, он смотрелся там неплохо. Потом я его обновил еще, сделал две стелы, получился мемориальный комплекс. Посередине памятник — камень со скорбящей матерью, слева стела с моими стихами, посвященными жертвам политрепрессий и справа статистические данные: сколько погибло в результате политических репрессий, во что это обошлось России. Да. Комплекс получился неплохой, во всяком случае лучший в Новгородской области. Лучше нет памятника.

00:11:48

А вы как архитектор, как дизайнер — вы сами его создали?

Это полностью мои мышцы, мой проект, мои деньги, ни рубля мне не помогла администрация. Говорят: «Ну собирай с репрессированных, собирай, вы сбросьтесь и сделайте памятник». Я прикинул: это где-то под 500 тысяч выходит. Дорого. У меня было две машины: одна купленная, а вторая — я получил по инвалидности, бесплатная. Я одну машину продал, вложить в этот памятник, добавил еще денег и сделал две стелы. Получился замечательный комплекс. Посмотрите сейчас, увидите. Владелец кладбища вздумал там построить сарай, склад для могильных плит, для памятников и продажу там же организовать. И так получилось, что я застал, когда он заливал фундамент. Я говорю: «Что ж ты делаешь? Ведь к памятнику не подойдешь. Он получается как в закутке в каком-то, как в кармане. Перекрыл всю площадь». Говорит: «Ну это моя земля, я распоряжаюсь, не вмешивайтесь. Никакого права вы не имеете вмешиваться». Я в администрацию обратился, те тоже развели руками: «Да, действительно, частная собственность, мы не имеем права. Где он хочет, там строит». Я говорю: «Ладно». Пока я там бился, воевал, а тут у меня путевка пришла в санаторий. Говорю: «Ладно, потом приеду добью». Приехал — уже стоит этот сарай готовый под крышу, и уже ничего не сделаешь. Короче говоря, он оказался как будто в таком кармане, памятник. Неудобно. Ну сейчас вы сами всё увидите, сейчас мы поедem туда, на это кладбище, я вам покажу его. А потом поедem на дачу.

00:13:58

Хорошо. Кроме вас за этот памятник кто-то борется еще?

Танечка, я самый молодой в нашем коллективе, остальные — 90 лет и старше. Там некому бороться, они уже еле стоят. Уже собрать их — проблема. Раньше было 160 человек, хотя бы половина собиралась — это уже 80, это уже приличный коллектив получался. Митинг провести, пообщаться было с кем, потом застолья мы организовывали постоянно поминальные, то есть примерно так организовывалась схема: в День памяти жертв политрепрессий, 30 октября, я всех обзваниваю, я всех объезжаю, у кого нет телефонов, предупреждаю, организовываю сбор, и мы собираемся у памятника. Проводим небольшой митинг. Выступают пострадавшие, я в том числе выступаю первый как председатель, а потом поминаем, в церкви служит панихиду священник, и потом отправляюсь на поминальный обед. Я организовываю в кафе, организовываю стол, все садимся, поминаем. Короче говоря, всё это проходит хорошо, за исключением одного, что сейчас изгадили место, место стало безобразное. Пожалуй, всё об этом памятнике. А то, как он выглядит, вы сейчас сами увидите. [Оператору] Не надо меня всё время на прицеле держать.

00:15:55

Отхожу дальше.

00:15:55

А как относится жена к вашей деятельности? Она считает, что это правильно?

Она двумя руками за. Единственное было, были трения по финансовым вопросам, что я вложил серьезные деньги, избавился от машины, продал ее. Доченька меня тоже упрекнула, сказала: «Ты бы лучше себе приличную машину купил, а то едешь на ведре с гвоздями». У меня точка зрения другая, я считаю, что память важнее, а на ведре с гвоздями можно ездить, лишь бы колеса крутились. А вы молодец, лихо водите.

00:16:46

Да нет! Я не очень молодец, это я хотела, знаете как, на миру показать, что я тоже так умею.

Ух я посмотрел, ну, думаю, шумакер в юбке, катается будь здоров! Ну что, девочки, едем?

00:17:09

Да-да, мы обязательно едем, мы обязательно там снимем, и, наверное, цветочки бы нам купить по дороге, может быть где-то есть. Вы не выходите только, остановитесь, если есть где по дороге.

Пожалуйста, пожалуйста.

00:17:22

Мы сами купим и...

Прямо вот здесь можно купить.

00:17:25

А вот здесь — это?..

Рядом.

00:17:27

Мы поедем за вами, вы там остановитесь и не выходите уже из машины.

Хорошо.

00:17:30

Я справлюсь, а дальше уже на кладбище.

Хорошо. Ну, денежку я вам дам.

00:17:34

Нет-нет, не надо ничего, это мои уже...

Съемка не получится у вас.

00:17:51

Почему?

Сейчас блики отражаются, всё это. Была табличка в четверть этого листа, вот так вот, вот такая табличка. Сейчас, видите, приличная доска, да?

00:18:04

Камень какой красивый.

Выглядит хорошо.

00:18:08

Очень.

Стелы слева и справа — это мои стихи, посвященные жертвам политрепрессий. «Нас всё меньше и меньше, мы уходим из жизни. Кто мне скажет, что завтра станет с нашей отчизной? Не вернутся ли снова к нам лихие года? Нам репрессий кровавых не забыть никогда. Беломор и Магнитка, Магадан и Кузбасс стали братской могилой для многих из нас. Землепашцы, крестьяне с клеймом кулака обливались кровью в застенках ЧК. Расставались с казачеством Волга и Дон. От жестоких репрессий только слезы и стон. Миллионы безвинных в землю нашу легли, те, кто славу России составить могли. Вспомним всех поименно, вспомним сердцем своим. Это надо не мертвым, это надо живым. Чтобы к нам не вернулась снова эта беда, мы о жертвах репрессий будем помнить всегда». А это данные статистические.

00:19:31

Борис Олегович, а вот эти данные, они откуда? Вы их?..

Из архивных материалов и из книг памяти, которые взяты тоже из архивов. Это не придумано,

это официальные данные, они у меня есть в книге памяти все. В Валдайском районе 2722... восемь человек. В Боровичском районе — вдвое больше, 5340, чекисты постарались, зверствовали. Не надо, четыре положите — и хватит.

00:20:11

Не хочу так, хочу, чтобы много было.

В Новгороде — 5530, в Новгородской области — 62 тысячи, представляете, какие цифры? Это всё невинно осужденные и репрессированные, которые реабилитированы как незаконно осужденные. В целом по стране более 40 миллионов, за период с 1918 по 1953 год были арестованы и осуждены по 58-й статье 7 миллионов 100 тысяч человек, из них 642 тысячи 980 человек приговорены к ВМН, высшей мере наказания, и расстреляны. Остальные с позорным клеймом «враг народа» сосланы в лагеря ГУЛАГа, в районы Крайнего Севера. Семьи арестованных по 58-й статье также подверглись репрессиям, были раскулачены, расказачены и так далее, лишены прав и имущества как родственники врагов народа и сосланы в спецпоселения в необжитые районы страны, где многие погибли от голода, холода и лишений. Вечная память невинно пострадавшим от политических репрессий. Историческое беспамятство — одна из страшных бед любого народа. Тот, кто не знает своей истории, не имеет будущего. Помните об этом, люди. Ну вот какой наш памятник.

00:22:03

Очень, очень достойный, очень по-взрослому и с большим уважением, красотой.

[Нрзб]

00:22:20

У нее нет лица, вы сознательно так хотели?

Она плачет, она скорбит, скорбящая мать. [Нрзб] Рыдает. [Нрзб] На той плите. Она всё время покрывается пылью, надо было под стеклом ее сделать. А написано здесь: «Этот мемориал посвящается всем жертвам политических репрессий, невинно пострадавшим, в том числе моему отцу Шкляеву Олегу Леонидовичу, осужденному незаконно и расстрелянному в 1941 году. Ну вот, Танечка, съемка у вас не получится памятника, потому что сейчас [нрзб].

00:23:28

Мы получим хорошую съемку, не волнуйтесь.

У меня фотографии [нрзб].

00:24:16

[После съемки памятника] ...По невинно убиенным и поехали в ресторан или в кафе. [Оператору] Хватит, хватит меня снимать.

00:24:32

Работа такая.

00:24:34

Отдохните, нет смысла постоянно держать на прицеле меня. А если хотите сфотографировать, то вдвоем, с Танечкой.

00:24:48

У меня есть талия.

Попробую найти. Сумка мешает.

00:24:53

Ищем.

Сумка мешает. Ну ладно, теперь поехали на дачу.

00:24:59	А скажите мне, что я могу по дороге купить жене, что можно? Жене ничего не надо.
00:25:05	Ну скажите, потому что сладкое если куплю — может, диабет, нельзя. Не диабет, нет. [После монтажа] ...Только вот 14 числа, так что мы занялись посадками и порядок навести не успели, так что у нас хламёжник там страшный.
00:25:30	Один вопрос до того, как поедem на дачу. Я знаю по вашему рассказу, что каких-то в начале вообще сведений об отце не было, вдруг есть какая-то фотография отца? Есть.
00:25:31	Есть? Она на даче или она дома? Она в книге.
00:25:33	Она в книге есть? Да. Книгу я взял с собой.
00:25:35	Хорошо, тогда поехали. Поехали.
00:25:38	Мы едем за вами. Да. [На даче] Прошу вас, Танечка, проходите. [После монтажа] Друзья, друзей нет сейчас. Вот. Ладно.
00:25:55	Скажите мне, Борис Олегович, где будем разговаривать? На улице или в доме? Где вам удобно, можно в доме.
00:26:00	А можно мы взглянем в доме? Ради бога, пожалуйста. [В доме] Первый раз я в такой обстановке, под софитом.
00:26:11	Страшно? Страшно, аж жуть. Стра-а-ашно, аж жуть.
00:26:18	Когда вы родились, Борис Олегович? Я, Шкляев Борис Олегович, родился 25 февраля 1937 года в городе Прокопьевске Кемеровской области в семье профессионального шахтера. Мой отец — инженер-маркшейдер, это главный специалист шахты, который определяет направление пластов, залегание, угол наклона и разрабатывает тактику и стратегию добычи угля. Это главный специалист шахты. Человек он образованный, из дворянской семьи. Владел двумя иностранными языками свободно, третий изучал. Французским и немецким свободно владел. И, кроме работы на шахте, преподавал в институте вечером, так называемые рабфаки, рабочий факультет. Он преподавал высшую

математику и немецкий язык. Французский тогда был не в моде, не требовался, а немецкий был в моде. Почему в моде? Потому что в конце 1920-х годов, в 1930-е годы Советский Союз активно сотрудничал с Германией по всем вопросам — экономики, политики, военного дела. И вот, значит, Варшавским договором было запрещено Германии после Первой мировой войны иметь вооруженные силы. Они были под запретом. Но когда к власти пришел Гитлер, первой задачей он поставил перед собой и перед партией восстановить вооруженные силы. И делали они это тайно от мира, то есть по сговору с Советским Союзом, со Сталиным практически. Значит, немецкие специалисты приезжали в Россию, учились в нашем Генеральном штабе, участвовали в подготовке в летной, в танковой и прочее, прочее. Так, танковый генерал Гудериан учился у Тухачевского вождению и тактике работы танков, клинью и ромбом рассекать боевые порядки противника, которые они успешно потом применили на Западе, на Западном фронте и у нас, и у нас потом, против нас же. Маршал авиации Геринг учился в военной академии в Москве и закончил Высшую военную школу нашу, как же город [называется]... Кажется, в Липецке, в Липецке. По-моему в Липецке, да. Забыл точно. Маршалы Манштейн, Кессельринг и другие учились тоже в Москве и закончили военную академию в Москве, Военную академию Генштаба. Так что эти специалисты все обучались в России, вырастили врагов на свою шею. Кроме того, в экономическом плане — машиностроение, станкостроение в основном за счет немецких технологий возрождалось в Советском Союзе. Строились станкостроительные заводы, заводы по выпуску автомобилей, самолетов. Это всё при участии и под руководством немецких специалистов было. У нас был плотный контакт. В части моего отца, по работе на шахте, немецкие специалисты приезжали и внедряли свои врубовые машины, то есть машины, комбайны, которые добывали уголь под землей, не отбойными молотками, а уже врубовыми машинами. Но чтобы ими руководить, нужно было знание немецкого языка для общения с немецкими специалистами, знание немецкой технологии, чтение документации технической и прочее, и прочее. И тут такой специалист, как мой отец, был незаменим, потому что он прекрасно владел немецким языком и даже преподавал в вузе. Город Прокопьевск, Кемеровская область, — это маленький цветущий шахтерский город. Работали в трудных условиях на шахте, вечером отдыхали, ходили в парк, веселились, танцы, площадки, качели, карусели, в общем, был красивый и хороший образ жизни. Всё было нормально. Но одно «но»: органы НКВД брали на карандаш всех специалистов, которые имели контакт с немецкими специалистами — на всякий случай. Вела дела спецучета, то есть на случай возможной войны. Они предполагали и планировали войну. Это, как писал Гитлер в своей книге «Майн Кампф» [включена в список экстремистских материалов в России. — прим. Ред.], расширение Германии пойдет на востоке за счет России. Они предполагали и знали, и поэтому, перестраховываясь, органы НКВД брали на карандаш всех, которые контактировали с немецкими специалистами, на случай возможной вербовки, перехода на сторону врага, шпионажа и прочее, и прочее. То есть даже если человек сам был настроен самым патриотичным образом, был ярким пламенным патриотом, его всё равно брали под подозрение, он был на учете в органах НКВД. Кроме того, мой отец относился к числу ЧСЭ, это такая аббревиатура НКВД — социально чуждый элемент, СЧЭ, социально чуждый элемент. К ним относились бывшие офицеры, дворяне, чиновники царские и духовенство. Вот эти люди тоже были на учете в НКВД и подлежали репрессии.

00:33:00

Когда отец родился, в каком году?

Отец мой родился в 1907 году в дворянской семье. Получил блестящее образование, два языка — это минимум. А его брат пятью языками владел.

00:33:16

А где они учились?

Это город Уфа, потом город Томск. Мой отец закончил Томский индустриальный институт, а потом учился я в этом институте, только он уже назывался политехнический институт, не индустриальный, политехнический. Так что я по ступенькам, по которым ходил мой отец, я топтался по тем же лестницам и сидел в тех же аудиториях. Семья наша состояла: мама моя Зайкова Руфима Феофиловна, ее мать Анастасия Семеновна Шибалина, я был первым ребенком в семье. Родился в 1937 году.

00:34:04

Когда началась война, сразу НКВД стало приводить в действие свой план по ликвидации возможной пятой колонны. И пошли повальные аресты — в первую очередь специалистов, которые имели контакт с зарубежными представителями, с немцами, с англичанами. Все они подлежали аресту и ликвидации, то есть не разбирались особенно, был шпионаж, не было шпионажа, сотрудничал он с ними, не сотрудничал. Был в контакте — значит, всё, возможный

агент и подлежал аресту. Вот в одну ночь после начала войны, примерно — 22 июня началась война, а 27 июня в Томске, то есть в Прокопьевске, арестовали более 300 специалистов. Всё управление шахт было обезглавлено, то есть директора, главные инженеры, маркшейдеры, начальники участков, все, кто имел контакт с немцами, они все были арестованы в одну ночь, это была плановая операция громадная, 300 человек. Шахты обезглавлены были. Значит, их собрали в ночь, приехали, арестовали. Я помню прекрасно этот момент ареста. Это мне было четыре года, но детская память так запечатляет некоторые моменты очень прочно. Я даже мысленно ярко помню как картинку, вживую, как ночью постучались в двери, примерно в четвертом часу ночи или в пятом. Вошли трое военных, сказали: «Одевайтесь, вы арестованы». Мать в голос, заплакала, зарыдала. Отец стал ее успокаивать, сказал: «Руфа, не беспокойся, это какая-то ошибка, я ни в чем не виноват. Разберутся — и меня отпустят». Ну ладно, с тем и собрались. Я помню, как его выводили из подъезда, садили в «черный ворон», как «черный ворон» ехал по дороге, его подкачивало на ухабах, и за ним закручивается дымка от выхлопных газов. Прямо четко у меня запечатлелось в памяти.

00:36:29

Во что отец оделся? Оделся как он, когда собирался?

Ну обычно, костюм обычный одел, не рабочий. Он на работу ходил прилично, потому что инженер, инженер. Костюм, рубашка, галстук.

00:36:45

А мать его собирала? Не помните?

Да, она собирала, она уже знала, что пошли аресты, она ему собрала теплое белье, носки, еще что-то дала, что-то из пищи, по-моему, но он пищу не взял, он говорит: «Я не задержусь там, я ни в чем не виноват, меня отпустят». Уверенно сказал. И практически ничего не взял.

00:37:08

А он с вами прощался как-то или нет? То есть только с матерью?

Попрощался. Он меня взял на руки, поцеловал, маму тоже. Главное, он успокаивал ее, что «не беспокойся, я вернусь». Но не вернулся. Через месяц уже принялись за семьи арестованных. С арестованными распрощались, потом стали нас. Нас лишили служебного жилья, служебных квартир, мы в служебных жили квартирах от шахты, от шахты управления. У нас был прекрасный район в Прокопьевске, который назывался Тырган. На Тыргани были первые пятиэтажки, первые дома. А так шахтеры жили в халупах, в маленьких домиках, сооруженных своими руками, но ждали нового жилья. Стройка велась активно, люди переселялись, вот мы жили в одном, в первой пятиэтажке. Потом принялись за нас, за семьи. Нас уже собирали больше, не в одну ночь, а где-то неделю. Собрали все семьи, погрузили в эшелон товарный, товарные вагоны, телятники, с пассажирскими ничего общего не имеющие. Представляете, что такое телятники? Вот так. Сгоняли туда по 60, по 80 человек, в вагон. И повезли на север Томской области. Нас привезли в Асиновский леспромхоз, Асиновский леспромхоз, на валку леса. Там уже мужчины работали, готовили бараки для вновь прибывших заключенных. Ну что такое барак. Это делается столбиком, обиваются с двух сторон горбылем, засыпаются опилки. Внутри — длинный такой барак — посередине коридор, вправо-влево комнаты расположены, примерно по 20 метров. И вот в эту 20-метровую комнату по три, по четыре семьи заселяли. Значит, по стенам нары двухъярусные, посередине стол обеденный, печка и параша. Параша для того, чтобы в мороз не ходить на улицу, потому что там морозы жуткие, 30-40, 50 градусов. И там о туалетах никто не думал. Параша — это, значит, так[ой] бочонок с крышкой, опрaвлялись, а потом выносили. В семь часов утра дежурный по лагерю звонил в рельс, подвешенный рельс с колотушкой, молотком, звонил — подъем, всех поднимали, давали час на то, чтобы позавтракать, привести [себя] в порядок, одеться, и к восьми часам уже на работу, на лесоповал. Все эти семьи арестованных отправлялись толпой, строем, под конвоем в тайгу валить лес. Ну, это всё в лесу, ходить далеко не надо. Мужчины лучковыми пилами валили лес, а женщины работали на обрубке сучьев и на огребке деревьев. Что такое огребка. К дереву подойдешь — там метровый сугроб. Надо чтобы полить, надо полить у самой земли, иначе кубатура теряется. Мощные деревья большие, сосны, ели. Женщины отгребают пехлом, пехло — вот такая деревянная лопата, отгребают вокруг ствола. Тогда мужчины подходят и лучковыми пилами спиливают дерево. [Дерево] валится, тогда женщины снова подходят и топорами обрубают сучья. Это женская работа. Ну, представьте: моя мать, медик, хрупкая, тонкая женщина — вот она в ватнике, в валенках, в телогрейке, в рукавицах обрубает эти суки. Она топор-то поднять не могла по сути дела. Тоненькие ручки, хрупкая женщина. Тем не менее трудились. Утром... Вечером они приходили с работы промороженные, голодные. Первое — бросались к печке согреться. Печка у нас топилась не прекращаясь, и днем, и ночью, потому что барак продувной. Что там опилки между стенок? Где-то осело, где-то крысы проели — щели

образовались. Пол буквально ледяной, ступить ногой невозможно. Они в первую очередь бросались к печке и даже, не чувствуя жара, порой получали ожоги, потому что старались руки согреть. Потом за стол садились. Старались чем-то как-то покушать. Ну а тут те, кто оставался дома, готовили еду, бабушка моя в частности. Ей было уже где-то лет 60 в то время, вот она готовила еду, и ужинали. Ложились спать. Дети на нарах, на верхних этажах, старшие на боковых, на нижних ярусах. Нас в 20-метровой комнате жило восемь человек. Восемь человек. Это по два с половиной метра на человека примерно, как в могиле. В первую же зиму я простыл, потому что пол ледяной, даже встать... На горшок посадят меня, ноги голые. Простыл, заработал воспаление легких, а потом это перешло в туберкулез в крупозной форме. И за первый же месяц у меня образовалась каверна на левом легком, это практически дыра. Врач, видя такое состояние, добрейший человек, образованный, умный, тоже арестованный, из числа арестованных, он понял, что нам просто там не выжить, ни матери, ни мне. И он добился у начальства откомандирования меня в тубдиспансер в Томск, а как сопровождающей, как по уходу — и мою мать, то есть ее избавили от лесоповала, отправили в Томск, разрешили. Но жить там под надзором комендатуры. Вот она каждую неделю должна, обязана была ходить и отмечаться в комендатуру. Проблема была с жильем и с работой, где жить и где работать. Ну пока я жил в диспансере, она устроилась на автобазу кладовщиком, не имея никакой подготовки технической, ей приходилось изучать, что такое генератор, что такое карбюратор, что такое радиатор, какие гайки куда, всё это раскладывать по полкам и выдавать по первому требованию водителей. Но тем не менее она активно взялась за дело, освоилась. Жить было негде, поэтому она у начальника автобазы выпросила разрешение жить в каптерке при складе. Кладовка при складе, там нам поставили топчан, мне опять вторые нары наверх. Жили там. Там хоть более-менее сделали обогрев, буржуйку поставили, было тепло, тепло и уже как-то более-менее сытно, не так, как в лагере. И мать уже зарабатывала, какую-то зарплату получала, и более-менее мы там немножко встали на ноги. Но я тяжело болел. Короче говоря, я загибался. Это был уже 1942 год, конец 1942 года. Ну, на мамино счастье, один из получателей запчастей был главный механик махорочной фабрики Николай Иванович Смирнов. Он когда познакомился с матерью, узнал историю, она рассказала, что отец арестован наш, он стал как-то проявлять сочувствие, соболезнование и решил помочь нам в розыске отца, потому что он был арестован по 58-й статье на 10 лет без права переписки. Это официально, а фактически в тот же год, в декабре месяце, всех расстреляли, всех арестованных. Но это отдельная история, я расскажу ее чуть позже. Вот Николай Иванович стал через свои связи, вышел, значит, на прокурорских работников, сделали запросы, стали искать моего отца. Получили ответ, что он расстрелян 29 декабря 1941 года со всеми другими вместе. Чекисты выполняли план по уничтожению пятой колонны так называемой. Всех расстреляли. Я до сих пор с диким сожалением думаю над этим, что был такой разведчик Кузнецов, который владел прекрасно немецким языком, работал на Украине, под Ровно... Читали о нем, да, о Кузнецове? Ему знание немецкого языка предоставило возможность блестяще вести разведывательные и террористические операции против немцев. Я думаю, мой отец, патриот, русский человек с отличным знанием немецкого языка — какую бы он громадную пользу мог принести, если бы он был так, как Кузнецов, направлен на фронт. Он бы разведчик был незаменимый — это раз. Или как незаменимый шахтер. Шахта осела после ареста руководства, добыча упала сразу до нуля, потому что некому руководить, некому командовать, грамотных специалистов нет. Потом начали восстанавливать это потихоньку, но на это надо было время. А на первое время страна сама себя подсекала этими арестами, потому что ликвидировали главных специалистов. То же самое творилось в области вооружения, станкостроения, науки, Арестовывались ученые, арестовывались инженеры, изобретатели. Всем известно, что создатель ракетной техники Королев сидел в Магадане, его вытащили полуживого из Магадана. Туполев сидел, Лавочкин сидел. Многие создатели нашей артиллерии, танковой промышленности, авиационной тоже сидели, прошли через ГУЛАГи. Те, кто не попал в Магадан и на Колыму, были загнаны в шарашки, так называемые изолированные зоны, где их принудительно заставляли работать над созданием новой техники. Они вынужденно, в отрыве от семьи, в условиях полуареста, на полутюремном содержании, создавали новейшие образцы техники. Об этом хорошо написал Солженицын, «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ». Все его читали, наверное, знаете, да? Так вот Николай Иванович добился, что пришел ответ, что мой отец расстрелян. То есть мама осталась ни с чем, вдовой. Ну, погоревала-погоревала. Николай Иванович видит, что мы живем впроголодь, что я выписан из диспансера, уже подлечился, но живем и в холоде, и в голоде. А он оказался тоже вдовцом, у него жена умерла, сын на фронте, он один жил, он предложил: «Переезжай ко мне. Будешь жить, я буду кормить вас и помогу вам встать на ноги». Ну, мать подумала-подумала, какое-то время поколебалась. Надеяться не на что, отца нет, вдова осталась. Приняла предложение, предложение приняла старика, можно сказать. Ну тогда какой старик, 50 лет ему было примерно, а матери около 30, на 20 с лишним лет разница, на 25 примерно. Переехали мы в его квартиру, это тоже служебное жилье было от производства, от махорочной фабрики, двухкомнатная квартира рядом с махорочной фабрикой в Томске. И вот Николай Иванович нас... Создал новую семью, женился на матери, меня усыновил практически, и он меня на ноги поставил. Он связался, установил связь с охотниками, покупал барсучий жир, барсуков, покупал молоко, это молоко горячее с этим жиром стали мне давать, и я быстро-быстро-быстро

восстановился. У меня зарубцевалось это легкое, я стал набирать силы, хотя врачи, когда выписывали, сказали: никаких движений резких, не бегать, ничего, потому что легкие больные и прочее, прочее. Ну пацан резвый, пацан и есть пацан. Почувствовал в себе силы и начал носиться, и прочее, прочее. В садик меня определили, детский сад. Вот таким образом как-то у нас нормализовалась обстановка. Стали более-менее сытно жить. Да, до этого, я не рассказал страшную историю. Пока мы не перешли к Николаю Ивановичу и жили там на складе, мать тоже билась над проблемой, как нам прожить втроем — мать, бабушка Анастасия Семеновна и я. Продавала вещи, которые еще остались. Отцовское пальто продала, еще что-то, такие, носильные вещи и из белья, постельное и прочее. Продавала и покупала продукты питания. В основном ходила она за реку Томь, в деревню Зоркальцево, и там меняла эти вещи на продукты. Вот я помню, принесла она корчагу карасей. Корчага — это глиняная такая банка, примерно 5-литровая. Караси, этих карасей мы варили только по воскресеньям как праздничное блюдо. Это у нас был праздник, воскресенье. А так картошку, свеклу варили, питались очень скромно. Она рассказывала страшную историю: она идет по проселочной дороге, по лесной, в Зоркальцево, слышен сзади стон, какой-то стон глухой. Оглядывается — идет обоз, ведут заключенных, гонят по дороге, охрана с собаками овчарками, вооруженная охрана. Толпа примерно человек 150 растянулась по дороге. Вот они бредут и стонут от изнеможения, от холода, голодные, а сзади едут подводы, санные подводы. Кто выбился из сил — падают, его тут же добивают, пристреливают и кладут на эту подводу, и сзади везет их санный обоз. Она когда это увидела, она пришла — редела не знаю как. В голос редела: «И моего Олега так же, наверное, вели на расстрел, и так же он мучился». Ну вот такая вот картина была. Ну ладно, Николай Иванович нас спас от голода. Мы забыли, что такое голод. Он зарабатывал хорошо, он тоже ЭТР, главный механик. Он обеспечил нас всем, было тепло, уютно и хорошо, и сытно по тем временам. Хотя голод был страшный, Томск буквально наводнили толпы эвакуированных и беженцев, жить им было негде, поэтому органы милиции и советские органы, от партийных органов, ходили и уплотняли. Приводят в квартиру: «Так, вам на уплотнение семья». Допустим, 5-6 человек или сколько эта семья. Уплотняют, в одну квартиру заселяют, к некоторым даже по две семьи заселяли, у которых более-менее просторно, две-три комнаты, допустим. У нас была одна комната, и то нам на уплотнение привели четверых евреев. Это мать еврейка, двое детей и ее мать, бабка. Баба Хава, я помню фамилию, Ивия Хава. А дети — Аркадий и Муся. Аркадий старше меня примерно года на три был, но парень такой был, лихой, пронырливый, добытчик, жулик. Мы потом сдружились с ним и вместе добывали пищу. Это после того, как умер Николай Иванович. Николай Иванович прожил с нами три года всего. Он запускал новую мощность, новые станки на махорочной фабрике. После того как поставили новые станки, положено выпить, обмыть. Они там обмыли, домой идти уже поздно, глубокая ночь, мороз дикий, за 40 градусов, и он остался ночевать в своем кабинете. Первый этаж, пол бетонный, он телогреечку бросил под бок и лег, уснул. Выпил-то хорошо. И простыл на бетонном полу, утром подняться не может, днем пришли — нет Николая Ивановича. Где? Стали искать, открыли... Его кабинет открыт, дверь, он лежит на полу и уже хрипит. Его сразу в больницу, воспаление легких, высокая температура. А он никогда не болел и не обладал иммунитетом против болезней. В нем моментально эта развилась болезнь, то же самое, что у меня было, крупозное воспаление легких. Он буквально за две недели свернулся, умер. Похоронили и на первое время пока остались в его квартире. Потом нас выселили в другой аварийный дом, там освободившаяся квартира была, нас выселили из этой благоустроенной хорошей квартиры, из комнаты.

00:57:45

А мама не оформляла отношения? То есть они были в гражданском браке?

В гражданском браке, да, да. Ну, от Николая Ивановича остался плод — моя сестра Танечка родилась. Как раз перед его смертью родилась моя сестра Танюшка. И мать моя осталась опять с двумя детьми одна, без средств к существованию. Потом нас выселили из этой служебной квартиры, предоставили нам на улице 1905 года, дом 20, в аварийном доме квартиру. И мы с этими евреями опять переехали туда. Да, стали жить. Опять наступил голод, холод. И главное — как добыть пропитание? Мне было уже тогда где-то лет семь. Да, семь лет или восемь. Аркашке было лет 10. Мы втянулись в ватагу дворовой ребятни. Там все по дворам распределялось как по бригадам. Двор, человек 20 пацанов, они сколачивались в ватагу и так дружили и вместе лихолетье это переживали. Значит, как добывать пищу. Мать получала мало, нас четверо уже, двое детей, ее мама. На одну зарплату не прожить никак, она буквально впроголодь жила. Нам по куску хлеба, по стакану молока покупала, пол-литра на двоих, нам оставляла, сама так по полосочкам этим запьет. В общем, жили бедно очень, голодно. Но когда маленько пацаны подросли, стали ватагой держаться, нам стало легче. А почему легче? Через город Томск проложили железную дорогу для эвакуации грузов. В Томск эвакуировали из Москвы и из других городов предприятия. Завод резиновой обуви — на нем стали делать покрышки, противогазы и прочие резиновые изделия. Завод «Фрезер» изготавливал детали для танков, для самолетов, для орудий. Завод «Манометр» — тоже вся военная продукция. ГПЗ, Государственный подшипниковый завод, первый ГПЗ московский туда переселили, это громадный завод шарико-подшипниковый. Строили всё наспех буквально, строили бешеными

темпами, скорее-скорее, [строили] коробку здания, размещали станки, оборудование, потом уже закрывали крышей и прямо к станкам в холодных цехах ставили людей работать. Работали как взрослые, так и ребята. Мальчишка еще не достаёт до шпинделя токарного станка, его ставят на ящик, на ящик, и он научит его нажимать кнопки, чтобы начинал станок крутиться, как подводить резец — и он уже точил головки для снарядов или для мин корпуса. Вот в таком... И для эвакуации заводов и оборудования через весь Томск пролегла дорога железная, и она нас кормила, потому что по ней не только привозили оборудование, станки и прочее, но привозили и продукты, которые шли через Томск на север. Томск был как перевалочная база в северные районы. Привозили зерно, муку, жмых. Почему-то жмых был в колоссальном почёте. Где-то в Воронеже или в Курской области давили из семечек масло, а жмых из семечки — такие плотные, как ДСП наши вот эти вот, плиты метр на метр привозили, из них делали пищу, в пищу они шли. Мы этот жмых воровали, и воровали всё на железной дороге, только для того, чтобы выжить. Собирается ватага, человек 20 пацанов — и на железную дорогу. Разгрузили уголь, допустим, горы угля по этой железной дороге. Как вагон Пульман разгружается в правую сторону, так здесь куча, там куча, такие горы. А вот налетаем с сумками, нагребаям этот уголь, чтобы продать, обменять на кусок хлеба. Нагребли — и по дворам. Бабкам сумку угля — она ломать хлеба нам. Если я три-четыре ломтя добуду — это я сыт уже и семью кормлю. Дальше. Привезли соль, разгружают то же самое — вагонами, соль тоже в почёте. Быстренько нападаем на эту соль, нагребаям в свои кошелки, сумки и разбегаемся. Охрана ведётся. Вооруженная охрана. Ну что — инвалиды, прибывшие с войны, калеки уже раненые, вооруженные винтовками, охраняют эти грузы Ну от кого? От воров. А тут пацаны голодные. Он бежит с матом, с матюгами: «А ну вон отсюда, шпана!» Бах-бах в воздух, в детей же он стрелять не будет. Он понимает, что тут наши дети, голодные, что они ищут, чем поживиться. Вот мы этим пользовались. Одни с одной стороны отвлекают, охрана только туда побежала — с другой стороны другая ватага нападает, нагребает уголь, или соль, или жмых и растаскивает. Вот за счёт этого мы прожили вот эти последние военные годы, 1943, 1944, 1945-й, начало. Вот таким образом. Я не считаю это зазорным, потому что нам надо было просто пережить голод, выживали. Это не было воровство, я не считаю это воровством, потому что государство не могло нас обеспечить, у нас была норма по карточкам — 250 грамм на иждивенца, 400 грамм на работающего человека — хлеба. Всё это продавалось по карточкам. И масло растительное, маргарин и сахар, соль, всё это продавалось по карточкам. Однажды был такой случай. Мы находимся дома, и мать приходит с работы, ревет в голос. Бабушка спрашивает: «Рая, что с тобой?» Карточки украли. Это всё. Голод. Без карточек ничего не купишь, ни хлеба, ни продуктов, ничего. Это был такой момент. Она чуть-чуть не наложила на себя руки, она не знала, что делать, чуть не повесилась. Бабушка ее спасла от этого, не дала ей. «Ты что, — говорит, — Рая, делаешь? У тебя двое детей! Можешь ли ты оставить их вот так? А меня?» Извините. Тут без слез невозможно рассказывать. Да.

01:05:53

Водички попей.

01:06:00

И вот в такую, такое тяжелое время, когда все нуждались, нас соседи выручали. Кто картошки принесет, кто ломать хлеба, бутылку молока. И мы так этот месяц пережили, до получения новых карточек. Не дали нам погибнуть.

01:06:21

Карточки не на неделю, а на месяц украли?

На месяц.

01:06:24

На всех членов семьи? Или бабушкины хотя бы остались?

Все, все. Они у мамы, мама получает по карточкам. Хлеб получила, сразу делит. Ломать мне, ломать Тане, ломать бабушке, ломать себе — и весь хлеб разошелся. Я самый был активный едок. Бывало так, что я сел и этот ломать умел сразу, ну голодный хожу, щелкаю зубами. Бабушка меня учила: «Как же ты ешь так неэкономно? Ты — говорит, — возьми кусочек, откуси, положи за щеку и рассасывай его. Пока ты сосеешь, ты сытый. Потом следующий кусочек откуси, опять сеси». И вот так вот, чтобы мне надолго хватил этот ломать. Но мы-то ладно, мы всё-таки жили в семье, но были беженцы, эвакуированные дети, которые лишились родителей. Кто под бомбежку попал в дороге, у кого родители были арестованы, у кого погибли каким-то образом, короче говоря, беспризорников было очень много. В Томске были просто толпы беспризорников, детей от семи, от шести лет до 10, до 14, до 15. Вот такие, мал малого

меньше. Деваться им было некуда. Милиция их отлавливала и отправляла в колонию, детская колония называлась «Чекист».

01:08:04

«Чекист»?

«Чекист». В «Чекист» отправляли. Это детский концлагерь, тоже бараки, какие-то мастерские делали, чтобы обучать их какому-то мастерству, общая столовая. Короче говоря, по Макаринскому методу, чтобы людей, дать путевку в жизнь, научить какому-то ремеслу. Но условия были такие, что там больше месяца никто не жил, все сбежали оттуда, лагерные условия. Очень скудное питание, палочный режим, никакой свободы, всё это делается по команде, из-под палки. Надзор, такие же надзиратели, как в лагере. Детям, конечно, невыносимые условия, они сбежали оттуда, сбежали обратно в Томск, где можно было как-то прокормиться. Сбивались в эти шайки-лейки, которые мы называли ватагами. Ватаги были у нас из пацанов. А жить им негде. И жили они в зольне. Томск так расположен, что на крутом берегу стоит электростанция, на берегу Томи, ТЭЦ-1, который работал на угле, то есть уголь сжигают в топках и вывозят его на вагонетках, там узкоколейка такая, и сыплют с высокого берега в отвал. И там гора такая, целая гора этой золы, зольня называемая. Вот в этой зольне постоянно тепло, там жар какой-то остается, и всё время тепло. Ребята беспризорники понарыли норы, пещеры, и там зиму жили, в этих норах. Там тепло, там они отогревались. Днем идут на охоту, чтобы прокормиться. А куда? В город, на базар. Базар большой в Томске, крестьяне привозят картошку, лук, репу, молоко. Молоко подавалось мороженое, знаете?

01:10:22

Брикетами?

Вкусное. В чашку наливают, кружок молока, а сверху такая сосулька жирная, пенка, вкусная, как мороженое. Вот вся эта ватага была из этих пещер, грязные, все в золе, лохматые, рваные. Все как черти чумазы. И на базар — грабить. Один кто-нибудь бросается бабке в ноги — хватить ее за ноги, сбивает, остальные бросаются на мешок картошки. Раз-раз-раз, расхватили — мешка нету. Всё, мешок картошки по карманам рассовали, разбежались. Другой молоко схватил, третий еще чего-нибудь схватит — и в зольню к себе. Ждут, когда горячую золу привезут, высыпят, они в этой золе картошку испекут — поели, сыты уже. Опять в зольню. Но были такие случаи, что угорали насмерть. Однажды в очень морозные зимы, градусов 50–60 был мороз, и там было холодно, и ребята ближе к этой горячей золе прибивались. А угли не остыли, и угарный газ идет такой, что отравились ребята. И там потом приезжал грузовик, их буквально человек 30 вытащили, скидали в грузовик и увезли, захоронили в общей яме. Вот такие случаи были страшные, такая гибель. Зимой, особенно зима 1944 года была страшно морозная, морозы доходили до -60 градусов. Все вороны, все воробьи, все голуби померли, падали. Но голубей еще до этого съели, всех переловили. А вороны падали на лету, замерзали. Город встал буквально. Распахивается дверь какая-то, выскакивает кто-нибудь, хватает охапку дров — и обратно. Заводы, фабрики все встали, потому что транспорта нет общественного и пешком добираться в такой мороз невозможно. Мороз дикий, столбы дыма вот так вот, прям круто идет к небу как столб. Хруст снега под ногами, далеко разносится звук хрустящего снега в мороз. Вот надо этот мороз пережить. И по городу постоянно ездила машина, собирала «подснежники». Что такое «подснежники» — это человек, который не успел добраться до дома и замерз на улице. Это приезжие вот эти вот, эвакуированные, беспризорники. Где замерз, там и лежит. Трупы собирали по целому грузовику за ночь. По городу ездила машина специальная собирать «подснежники». Вот такая была обстановка, такое было мое детство. Ну потом подрос, в 13 лет я уже начал работать, в 13 лет. Ходил с ребятами, с такими же, как я, на вокзал разгружать уголь, уголь разгружать, вагоны. И в летний период ходили на Томь, на реку, грузить баржи, на Северный завод. Баржа становится у причала, подвозит продукты, мешки с солью, с крупой, с мукой, ящики с водкой, всё прочее. Мы, пацаны, грузили, таскали по трапу. Идешь, тащишь этот ящик, он килограмм 20 весит, или мешок, он тяжелее, всё это — колени, суставы, — всё это нарушается, выжимается вся эта жидкость, которая синовиальная, которая смазывает хрящи, отсюда все и болезни потом суставные. Потом приходишь — ноги болят, колени болят. Мать говорит: «Да брось ты, не таскай, иди на таробондарную базу работать». В 14 лет я уже пошел на таробондарную базу колотить ящики, бочки ремонтировать, а когда исполнилось 15 лет, я уже официально устроился в электросети.

01:15:09

Электриком?

Нет, не электриком, подсобным рабочим. Электриком я не имел права работать до получения паспорта, только совершеннолетних допускали к о электроустановкам. Значит, год я работал

подсобным рабочим. Что такое подсобный рабочий в электросетях — прокладывается линия, под опоры долбится котлован. Мерзлота, ломиками долбим этот котлован, два с половиной метра глубиной и три на три по периметру. Вот такой котлован надо выдолбить, это под высоковольтные опоры. Под низковольтные — два метра глубиной, но уже узкая такая, небольшая, только чтобы столб поставить. Два метра глубиной — это глубина промерзания грунта. Там надо на всю эту глубину вырыть такую ямку, выдолбить. Ну вот пацан в 15 лет. Я там на этом ломике и зарабатывал вот эту свою силу, которая потом пригодилась мне, закалку проходил. Лом тяжелый, еле-еле поднимаю, но долблю. Мороз дикий, 30–40 градусов, но приходилось работать. Когда исполнилось мне 16 лет, получил паспорт, мне разрешили, дали допуск к электроустановкам, то есть я уже стал работать учеником монтера-воздушника. Это подъем на когтях наверх, прокладка линий, проводов. Тоже работа не из легких, потому что когти тяжелые, стальные, надо их пристегнуть ремнями к ногам, в ватных штанах, в валенках, в телогрейке надо подняться на столб. Цепь забрасываешь, поднимаешься вот так вот на цепях, там пристегиваешься на карабин и с той уже начинаешь сверлить отверстия под крюки, натягивать провода. Вот такая работа. Потом уже на более сложную работу, на высоковольтные опоры. Это подняться, высоковольтная мачта, там надо быть акробатом, артистом, чтобы подняться без лестницы туда по этим металлическим конструкциям. Там ложишься на траверзу, на лебедке поднимают тебе гирлянду изоляторов, надо ее пристегнуть к траверзе, то есть продеть туда арматуру специальную, «серьгу», засунуть туда палец, вставить гирлянду, зашплинтовать. Самой трудной была шплинтовка, потому что можно в перчатках работать при подъеме гирлянды, допустим, и креплении, а шплинт — это такая проволочка, которую надо засунуть в отверстие и загнуть усики, чтобы палец не выскочил. Приходилось голыми руками работать. Пальцы чернели от мороза буквально, обморожения постоянно были, всё время болели руки. Но тем не менее я эту школу прошел. Потом меня перевели. Я попросился в район подстанций высоковольтных, потому что надо было развиваться, чему-то учиться. Там я, конечно, уже отдохнул от этих морозов, от этого адского труда, от этого лома. Там уже работа техническая, интересная, это высоковольтное оборудование, есть открытая часть подстанции, есть закрытая часть подстанции. В закрытой тепло, в открытой, на открытой части на улице холодно, но тем не менее это грамотная работа, уже электрик. Я там многому научился, многое постиг. Там я проработал на подстанции два года, и потом армия, призыв в армию. Перед призывом в армию, пока я работал на подстанции, я пытался окончить восьмой и девятый класс. Восьмой класс. Семилетка у меня уже была. Но я три года ходил в вечернюю школу, в восьмой класс, и никак не мог окончить, потому что придешь с мороза, сядешь за парту — разомлел, голову уронил на парту и уснул. Месяц-два промучился, бросил. На вторую зиму поступаю снова в восьмой класс. Уже не месяц-два, а побольше, до ползими промучился, опять бросил. В третий раз уже почти до марта месяца дотянул, опять сил не хватило, опять бросил. Тяжело, очень тяжело было учиться. Потом попал в армию. Попал в авиацию служить. В армию я попросился именно в авиацию, потому что как-то мне очень импонировала работа летчика, я всё время мечтал о небе. Попал в авиацию. Попросился в военкомате, меня зачислили в эту команду. Приехали в город Иркутск, воинская часть, аэродром. Я сначала в роту охраны [попал], охраняли самолеты. Потом техническая работа. Но я попал в ту стихию, о которой я мечтал. Вот допустим, я охраняю на стоянке самолеты, а потом идут полеты. Летчики выделяли такие вензеля в небе, такой высший пилотаж, я задравши голову только ахал и мечтал: мне бы так, я хочу! Образования-то нет, надо получать образование, надо учиться в летной школе, чтобы стать летчиком, а у меня восемь классов не окончено. Ну ладно. Я тогда, будучи в увольнении, пошел в книжный магазин, накупил учебников: физику, геометрию, тригонометрию, алгебру, русский язык, химию — все учебники купил. Я стал штудировать самостоятельно науку школьную. И за восьмой класс я пошел в вечернюю школу, заочную, попросился сдать экзамены. Успешно их сдал за восьмой класс. Дальше больше — надо 10 классов. За 10 классов сдать на аттестат зрелости. Я продолжаю в свободное время, а там личного времени немного, два часа всего дается солдату личного времени, после ужина до отбоя. Два-три часа. Я корпею над учебниками, подходит ко мне сослуживец Игорь Гельфанд, еврей по национальности. «Так, ты что делаешь?» Я говорю: «Хочу летать, хочу стать летчиком, но чтобы поступить, надо иметь аттестат зрелости, надо сдать за девятый и десятый [класс]». Он говорит: «Дурак! Ты же занимаешься онанизмом, ты сам себя тешишь. Здесь ты работаешь, а что толку? Надо же официально документы получить, надо в школу поступить. Давай в школу поступать. У меня тоже, девятый класс, правда, есть, десятый хочу закончить». Ну ладно, пошли. Мы во время увольнения пришли в эту школу заочную, стали узнавать, как поступить в заочную школу. Говорят, нужно разрешение от части. Если командование не возражает — пожалуйста. А заочная школа работает так: выдаются зачетные книжки, там программа расписана по неделям, по месяцам. Допустим, алгебра: бином Ньютона, потом дальше и так далее. Готовишься самостоятельно, потом приходишь, сдаешь зачет, и ставят тебе зачет, и там оценка. Вот такая система. Ну ладно, с этим ясно, надо разрешение получить. Пошли к командиру части. А летчики тогда какие были? Прошедшие войну. И молодежь, которая пришла из авиационной школы, их ученики уже, которые летают, осваивают небо. Осваивали новые самолеты, истребители. Старые кадры были в почете, они учили молодых. А сами-то образования не имели, они даже среднего образования не имели, старые летуны. И вот

командир был такой, полковник Деревятников, который не имел образования, семь классов у него было, а командовал полком. Ну значит, приходим в штаб, записались к нему на прием, он принял нас. Заходим. Он первое замечание: «Так, почему вдвоем? По уставу положено по одному обращаться». Объясняем, что «товарищ полковник, разрешите, у нас у двоих одна просьба». — «Ну ладно, докладывайте, в чем дело». — «Просим разрешения учиться в школе заочной». — «Зачем это вам?» Я говорю: «Мы хотим летать». — «Школа летная — это хорошо, но учиться будете на гражданке, а здесь самая главная наука — строевая. Кругом шагом марш!» Нас выперли из кабинета. Лопнуло, разрешения нет. Что делать? Ну Игорь, еврей, хитрый, покупает бутылку водки, подкатился к штабисту, к секретарю: «Сделай нам документы, разрешения. Отпечатай на машинке и заверь, а подпись подделаем как-нибудь». Ладно. Тот умудрился, отпечатал разрешения, что командование не возражает против поступления в заочную школу, мне и ему, индивидуально. Выбрал момент, когда начальник штаба отвернется, выкрал у него печать, заверил, зашлепнул. И мы с этими разрешениями в очередном увольнении снова в школу. И поступили официально.

01:25:57

Заочная?

Заочная школа. Тем и хороша, что она заочная, что можно нерегулярно ходить, а подготовились — пошли сдали материал. Ну ладно. Получили мы зачетные книжки, учебники у нас есть, давай готовиться. Времени мало солдатского, три часа всего от ужина до отбоя, и то там еще какие-то мероприятия организуются. Мы сидим за учебниками, но чтобы глаза не мозолило, Игорь опять договорился с каптенармусом (каптенармус — это хранитель белья, кальсонов, простыней и прочее, у него отдельная каптерка), чтобы он нас пускал в каптерку. Он нам дал ключ, мы занимались в каптерке. Сидим занимаемся, не хватает этих трех часов, чтобы подготовиться. Надо прихватить от сна. Вместе со всеми становимся на вечернюю поверку в строй, нас всех пересчитают — отбой команда, все по койкам, старшина уходит, тогда мы поднимаемся — и в каптерку заниматься, готовиться. А сил уже нет, потому что солдатский день настолько напряженный, тяжелый, в сон тянет страшно. И мы стали чифирить, то есть заваривать чай крутой, пачку на чайник. Кружку долбанешь — всё, глаза в линзу, сердце молотит, мы сидим почти до утра готовимся. В таком режиме мы зиму провели. Я сдал экстерном за один год за девятый и за десятый класс. Игорь — за десятый.

01:27:48

Тогда десятилетка, десять лет? Среднее образование 10 лет?

Десять классов, да. Я получил аттестат зрелости, причем четверки, пятерки, троек не было. Математика вся, физика — пятерки, физика и математика. Русский, по-моему, четыре. Химия... В общем три четверки у меня. Немецкий и химия. Остальные пятерки. Хороший аттестат. А к тому времени нас уже перевели в роту управления, на другую работу, уже мы не на аэродроме находились, а на работе, ну почти как штабная. Игорь планшетистом стал, то есть на планшете наносить цели, а я диспетчером, диспетчером. Авиационным диспетчером. Быстренько нас подготовили за месяц, это старшинская должность, я уже стал получать не 30 рублей, а 100 рублей, по тем временам у солдата же...

01:28:54

Вы срочник при этом?

Срочник, да. Три года я отбарабанил срочно: с 1957-го по 1960 год. Ну вот 1960 год, заканчивается уже, уже лето наступает. А тогда вышел такой указ, что лица, желающие, из числа военнослужащих, которые желают поступить в институт, могут подавать документы по почте, и им придет вызов, чтобы на сдачу экзаменов. В случае успешной сдачи они освобождаются от дальнейшей военной службы. То есть два месяца остается, сентябрь, октябрь, мы это уже не дослуживаем. Нас уже вызывают на учебу. Ну хорошо. Я получил такой документ, списался с институтом, получил вызов, представил его командованию. Меня согласно этого приказа отпустили на экзамены. Прошли мы медкомиссию. Медкомиссия строгая. Это уже в авиационное училище. Я главное упустил про авиационное училище. С аттестатом, у меня аттестат уже на руках, мы подаем документы в авиационное училище. Проходим медкомиссию в Иркутске, медкомиссия строжайшая: 18 человек нас было, только шесть человек прошло. Там всё: вестибулярный аппарат проверяют, давление. Самое главное было пройти вертушку. Это кресло вращающееся, кнопку нажимают, вот так вот сидишь, голову почти на колени, держишься за подлокотники в таком положении. Раскручивает, потом резко: «Стоп! Встать!» Встаешь — шагом марш. И пошел так вот гулять. Но я прошел, выдержал всё. Всё нормально. Хорошо прошел комиссию, аттестат в кармане. Нас направляют в ейское училище, на Азовское море.

01:31:05

В Ейске?

В Ейск.

01:31:06

Ейск, есть такое.

Ейское истребительное училище. Приезжаем, располагаемся. Жара страшная, 45 [градусов] в тени. Экзамены я сдаю: математика отличная, сочинение на четыре, физика на отлично. Прекрасно, проходной бал я прошел. Нам устраивают еще одну медкомиссию, уже там — и я обрушиваюсь. 45 в тени, а я Сибиряк, а я привык к морозам. Привык к морозам, жары не выдерживаю, у меня давление подскочило. Короче говоря, меня...

01:31:50

Борис Олегович, давайте вернемся, чтобы у нас всё сошлось. Вы не проходите медкомиссию, потому что...

Да, меня забраковали по давлению, я по давлению не прошел. У меня резкий бросок давления, я оказался негодным для летной работы. Меня отчисляют, отправляют обратно в часть. И вот тут, Таня, я впервые за многие годы заплакал по-настоящему. Меня когда били пацаны, я никогда не плакал, я давал сдачи, я дрался, смертельно дрался и никогда не плакал. Трудности любые выдерживал, и мороз, и холод, и голод, и всё. Я никогда не плакал. А тут я зарыдал. Рухнула моя главная мечта — небо. Я лишился своей главной мечты, я не попал в небо. Ну что ж, меня отправляют в часть, приезжаю в Иркутск, надо что-то делать. Я тогда документы собираю и отправляю в Томский политический институт. Там рассмотрели документы, присылают вызов на командование части: такого-то курсанта, военнослужащего, отчислить, откомандировать на сдачу экзаменов. Приезжаю в Томск сдавать экзамены, подготовка у меня уже была хорошая, Пишу сочинение, математика, физика. Опять математика, физика на отлично, сочинение — бах — тройка. У меня не проходной бал. Я лишаюсь права поступления института. Я [думаю]: как же так? Я прихожу в комиссию и говорю: «Я не мог написать на тройку. Покажите мое сочинение, в чем дело?» «Ну, — говорят, — тройка поставлена. У тебя там допущены четыре ошибки». Ладно. Подняли это сочинение, стали смотреть, а там одна ошибка повторена четыре раза. Пересмотрели, засчитали за одну ошибку, и у меня бал проходной, я прошел.

01:33:55

Четверку поставили?

Поставили четыре.

01:33:59

Какое отделение, куда поступали?

Электротехника. Я инженер-электрик. Да. Ну, значит, с триумфом я возвращаюсь в часть, меня увольняют для учебы в институте. Приезжаю в Томск и начинаю готовиться уже к учебе в институте, но учиться очно я не могу, потому что до армии я уже успел жениться. До армии. Короче говоря, познакомились за несколько недель до отъезда в армию, и у нас уже... Оставил я жену с ребенком, беременной. Я еще года не прослужил, а уже получил известие о рождении сына, так что я пришел из армии, а у меня уже сын бегаёт. Ну, семья, надо кормить. Об очном отделении вопроса не должно идти, только заочном и вечернем. Поступаю на вечернее отделение института — и на завод параллельно. Вот на заводе я работаю уже электриком, сначала в цеху, потом на подстанции высоковольтной, старший монтер, квалификация растёт, потом мастер подстанции, начальник подстанции, со временем, высоковольтной. Параллельно учеба в этом вечернем институте, но приходилось, так сказать, воевать на четыре фронта: это завод, работа, заочный институт, семья и общественная работа. Я был постоянно активным общественником. Пионерская организация, комсомол. В Комсомоле большая работа мне была поручена — организация добровольной народной дружины. Тогда был разгул после амнистии, разгул преступности дикий, когда Берия выпустил всех уголовников, а политических там оставил свои сроки доживать, добивать дальше. А уголовников всех выпустил. Преступность была дикая в городах, грабили, убивали, насиловали. И вынуждены были создавать народные дружины. Рабочие коллективы создавали дружины из молодежи и вечером выходили дежурить, ночные дежурства и вечерние, в город. Все с повязками красными. Группа пять-шесть человек, охаживают свой участок и отвечают за этот участок. Мне целый район, потому что завод большой, на заводе было 5000 человек работающих, из них было молодежи большинство. В дружине стояло 500 человек. Это была самая крупная дружина в городе, 500 человек дружина. Регулярно выходили на дежурство, городской сад, район прилегающий,

общежитие, всё это мы контролировали и держали под своим контролем. Вели борьбу с бандитизмом, с жуликами, карманниками, бандитами, с насильниками, с пьяницами. Пьяных поднимали, в вытрезвитель отправляли. Часто вступали в драки с этими бандитами. У нас был музей организован потом, музей отобранного оружия. Там было всё: обрезы, пистолеты, потому что вооружения было много после войны на складах, которое привозили на вторчермет, с войны. Танк, допустим, разбитый, пацаны залазят в танк, начинают шариться там — под сиденьем пистолет. Раз — его к себе, прибрали. Патроны, гранаты находили. Что было отобрано? Кастеты, ножи, целая стенка была, прямо стенд отобранного оружия. Цепи всевозможные, кистени, это на цепи гирька такая. Короче говоря, было чем гордиться. К нам приезжали и смотрели: вот это дружина! Она была первая в городе по значимости и по эффективности. Кроме того, я там создал оперативный отряд комсомольский. В армии я занимался самбо, борьбой самбо. У меня были определенные навыки. Я стал тренировать ребят, мы там сделали маты, ковры, в подвальном помещении оборудовали зал борцовский. Я там обучал приемам самбо, и применяя эти приемы, мы успешно противодействовали этим бандитам. Комсомольский отряд оперативный — 25 человек. Такого не было во всем городе, мы были первыми, пионерами. Это была моя инициатива, и это взяли всё на шит. Это всё учтивалось. Мне предложили в 1963 году вступить в партию, как активному комсомольцу, руководителю, командиру дружины. Я с удовольствием принял предложение, потому что самые привлекательные мечты коммунистического режима — это свобода, равенство, братство, да? Самые привлекательные идеи, они всегда волновали всё человечество, и нас тоже. Я, конечно, с удовольствием пошел в ряды партии. Приняли меня хорошо, и как молодой коммунист я возглавлял и добровольную народную дружину, и большую работу вел в Комсомоле. Был постоянно на виду, короче говоря. Работа шла хорошо, всё нормально было. Заканчиваю институт вечерний, получаю диплом. Вдруг мне поступает предложение. Приходит оперативный работник из органов КГБ, говорит: «Борис Олегович, вот вам предлагается принять предложение наше. Работа в органах КГБ». Я говорю: «Как? Зачем мне это? Я энергетик, я закончил, я готовил дипломный проект рабочий [нрзб]». Это редкое дело, когда дипломы проекта становятся рабочими, сразу вступают в работу, в дело. Я подготовил проект электроснабжения завода. Там кабелем снабжали электроэнергию, постоянные аварии на кабеле, пробои. Это мучение было, головная боль с электроснабжением. Я спроектировал воздушную линию электропередач двухцепную с резервом, внутреннюю подстанцию, рассчитал силовые трансформаторы, какие нужны, как распределить электроэнергию по заводу, подготовил хороший проект. Он был одобрен на отлично и был зачислен как рабочий. Прекрасное окончание. Мне уже уготовано было место главного энергетика, то есть я с начальника подстанции уже был готов принять должность главного энергетика. И до этого если мы мучились с квартирой, я уже простоял шесть лет на очереди и был уже в очереди на получение квартиры, а квартиры тогда сдавались хозяйственным способом, достраивались, то есть строилась коробка, а потом кому выделялись квартиры, они в нерабочее время, после работы и в субботу и воскресенье работали на достройке. То есть стелили полы, клеили обои, сантехнику, электрику делали. Я уже знал, где моя квартира будет трехкомнатная, был уже готов обрадоваться и переселиться из этой лачуги из продувной, аварийного дома, с семьей в благоустроенный дом. Ну ладно, значит, мне поступило предложение в КГБ, я решительно отказывался, говорю: «Нет, у меня другие планы, я уже одной ногой сижу, одной половиной попы сижу на кресле главного энергетика, мне доверена большая работа, я буду воплощать свой проект в жизнь, достраивать его. Кроме того, у меня квартира, получение на носу». Он помялся-помялся, ушел. Потом вызывают меня в райком партии: «Борис Олегович, вам почетное предложение поступило — работа в органах КГБ. Мы как партийная организация вас направляем туда, это ответственный участок. Знайте, что есть второй фронт, невидимый, на котором нужны бойцы, а вы как раз подходите и по физическим данным, и по интеллектуальным, по образованию. Надо иметь высшее образование, рабочий стаж, жизненный опыт, активную жизненную позицию и прочее». По этим параметрам...

01:43:39

Пробуем еще раз и потом, если не получится, переставим.

Да.

01:43:54

Видимо, возросла нагрузка...

01:43:56

Я даю второй отказ, уже в райкоме, говорю: «Я не готов к этому, к этой работе, я не имею никакого ни притяжения, ни желания, у меня мечты, все мечты в энергетике. Я должен воплотить свой проект в жизнь, у меня рабочий проект, я буду строить подстанцию новую,

новую линию электропередач. Это моя работа. И кроме того, у меня квартира. Я должен получить квартиру». Ну вот, идет заселение, а меня в списке нет. Всех заселяют, а меня нет.

01:44:34

На квартиру, на которую вы 6 лет стояли.

Да. В чем дело? Из КГБ поступил через партийные органы тормоз: не давать ему квартиры, если он не примет предложение. И меня бортанули с этой квартирой. А у меня родилась доченька вторая, второй ребенок, простывает постоянно в этой халупе замороженной. Я подумал-подумал. Ну ладно. Еще был на раздумье, но потом нашелся чекист, который встретился со мной и главное мне внушил, что органы КГБ переживают сейчас перестройку, реорганизацию, старые кадры, которые скомпрометировали себя липовыми делами, незаконными арестами, они все подлежат увольнению, многие — арестам, осуждению. Сейчас набирается молодежь, набираем кадры молодых, образованных, толковых. И чем больше будет порядочных людей, тем больше будет порядка в стране и в органах КГБ. Вот это на меня главный фактор подействовал.

01:45:50

Какой это год?

Это был 1966 год. Ну я тогда еще не знал, что я сын врага народа, так называемого. Я не знал. Мать от меня тщательно скрывала об этом в детстве. Когда у пацанов задавали вопрос мне: «А где у тебя отец?» — «На фронте». Так мама объясняла, что ушел на фронт отец, а потом, а потом пропал без вести. Пропавших без вести было каждый третий. Бомба упала где-нибудь или снаряд упал в окоп — взрыв, всех засыпало в блиндаже и похоронило. Пропал без вести. И ни у кого не вызывало это никаких сомнений или вопросов. Таких пропавших без вести было полно и погибших на фронте, оставались без отцов. Так что я эту легенду, не зная ее, что это легенда мамина, я ее поддерживал и отвечал так, что у меня отец погиб на фронте, пропал без вести. А мама почему скрывала от меня? Потому что она видела, как относятся к семьям врагов народа, арестованных, так сказать. Это постоянное унижение, постоянное лишение всего, и работы, и учебы, и все запреты. И вплоть до того, что даже с малыми детьми не разрешали соседи играть своим детям, что «вдруг подумают, что у нас что-то общее есть с семьей врага народа», понимаете? Они были постоянно в третируемом положении. И мать больше всего боялась испортить мне детство, чтобы я не рос ущербным ребенком, и я не чувствовал этого, понимаете? Я рос как все обычные дети, ходил в школу, был октябренок, потом пионером. Ездил в пионерские лагеря, сидел у костров, пел песни со всеми. Рос как обычный ребенок. Я не знал этого унижения, как сын врага народа. Я этого не знал. И до сих пор не знал, когда даже уже стал взрослым. Мать ничего не говорила. Ну ладно, значит. Когда он со мной поговорил, этот Ананьин, майор, о том, что нужны порядочные, честные люди в органах КГБ, образованные, имеющие опыт жизни, я принял предложение. Меня сразу приняли, оформили, меня направляют на учебу, а мне дают уже квартиру от органов КГБ. То есть от органов КГБ я получаю квартиру в генеральском доме, рядом с управлением. И пока я учился в Минске, на курсах, на высших курсах подготовки офицеров КГБ, моя семья уже переехала в эту квартиру, на Вершинино. Помнишь, Наташечка?

01:49:00

Да, помню.

01:49:01

В Минск?

Нет, в Томске.

01:49:02

В Томске, да.

01:49:04

Ну это как квартира, это коммунальная была квартира, комната.

01:49:06

Да, квартира коммунальная, она пятикомнатная, и там жило три семьи. Мне выделили большую комнату, 20-метровую, царские условия...

01:49:19

Это было счастье.

01:49:19

...по сравнению с тем, что мы были. У нас туалета не было, водопровода не было, дом аварийный, прогнил весь, в котором мы жили, сырой, холодный. И была комнатка 16 метров на всю семью.

01:49:35

Да меньше, по-моему.

01:49:36

16 метров, я помню.

01:49:39

Мама при этом жива-здоровая?

Жива.

01:49:40

Жива-здоровая.

Жива, жива.

01:49:11

И она знает, что вы принимаете предложение и становитесь офицером КГБ?

Да, это она уже потом узнала от меня, когда я ей сказал, что «мама, так и так, меня с квартирой на заводе бортанули, но предложили перейти на работу в органы КГБ». Она разрыдалась, разрыдалась буквально: «Боречка, зачем ты принимаешь это предложение? Не надо, я тебя прошу». Я говорю: «Мам, ну чего ты понимаешь. Защита родины — это же почетное дело». Она говорит: «Ну ладно, поступай, как хочешь. Дело твое, но я тебе не советую». Да, вот такой разговор был. Я думаю, что там женщина старая может посоветовать, отстала от жизни. Принял предложение. Вот я в Минской школе, заканчиваю эти курсы высшие. Что туда входит. Политическая подготовка, боевая подготовка, минно-взрывное дело, ориентирование на местности, прыжки с парашютом, диверсионная работа, изучение права уголовного, криминалистика, расследование и прочее, прочее. Вот такая программа большая, насыщенная. Там было отдыхать, дохнуть некогда было, такая насыщенная программа. За год надо было бы усвоить столько, что в институте за три года не вкачивали столько знаний. Но было всё организовано на высшем уровне, прекрасный спортзал, прекрасный бассейн для плавания, стрелковый тир, подготовка была очень хорошая. Нас научили вождению машин, вплоть до бронетранспортеров водили. Минно-взрывное дело изучали, прыгали с парашютом, стреляли отлично, борьба самбо. Я говорю, нам отдыхать некогда было, мы только до подушки — и отключались. Вот такая насыщенная программа была. Ну и была очень хорошая культурная программа, мы постоянно каждую неделю выходили организованно в театр. Там прекрасный оперный театр, Минский оперный театр, Театр музкомедии, Драматический театр. Кроме того, привозили нам прямо в училище артистов, которые гастрوليруют, на гастролях были в Минске. А там проводилось декада искусства всех народов России, СССР. Это были белорусы, украинские ансамбли, казачий хор, краснодарский, из Грузии, из Армении, узбеки, со всех республик приезжали целые концертные бригады, и всё это проходило через нашу школу. Я столько культурных программ за всю жизнь не видел, сколько за этот год. Это было такое насыщение. Я просто, знаешь, обогатился просто в этом плане. Ну и много читал, конечно, много читал. Этот год был очень таким плодотворным для меня.

01:53:08

А иностранный язык был?

Да. Нет, языка не было. Это на базе высшего образования уже.

01:53:15

Поняла, поняла.

Да. А потом там уже делался отбор для школы разведчиков, то есть те уже проходили языковую подготовку и «программу оседания в иностранном государстве». Это особая программа. Прибыл я на работу в управление в Томске, успешно там проработал до 1975 года. Семья уже подросла. Но я поступил туда уже, в органы КГБ, в возрасте 30 лет, уже зрелым человеком. Лейтенантские погоны одел в 30 лет, в том возрасте, когда уже военнотруженики, которые поступили в школу военную, допустим, в училище, в 19 лет, они уже майорские погоны носят, а я только лейтенантские одел. У меня задержка в этом плане. Я попросился на Север. Стал проситься на Север куда угодно, лишь бы со льготами, чтобы шел двойной стаж. Двойной стаж. Он говорит: «А куда? Магадан есть, Воркута, Мурманск, Шпицберген». Я говорю: «Хоть на Шпицберген отправляйте, лишь бы только двойной стаж был». Потому что надо было наращивать стаж. Ну ладно, сначала меня определили в Магадан, Синегорье, а потом почему-то лопнул Магадан, там кто-то занял место, какой-то москвич приехал раньше меня.

01:54:54

И где вы оказались?

Мне предложили потом Камчатку. Я с удовольствием принял предложение. Переезжаю на Петропавловск-Камчатский, через год получаю квартиру, перевожу туда семью. Семья меня ждала в Томске, пока я не получил квартиру. Прослужил я на Камчатке восемь лет. Там моя доченька закончила школу, отправилась в Сочи на учебу на садовода-декоратора самостоятельно. Сын приехал на Камчатку ко мне, работал в море, сначала матросом-обработчиком, потом понравилась ему специальность радиста. Он закончил мореходку, мореходную школу на радиста. Стал радистом, потом начальником радиостанции, потом его приняли в партию и назначили первым помощником капитана. Год работал первым помощником капитана. Юрист по образованию. Закончил тоже заочно юридический институт в Хабаровске, тоже заочник, как и я. Да. Ну, потом, значит, восемь лет оттаранил на Камчатке, потом мне сделали предложение уже приехать на материк, в Новгородскую область, начальник управления мне предложил город Валдай. Мне осталось служить три года, там я поднял стаж, восемь лет отслужил, у меня получилось 16 лет выслуги, плюс армия засчитывается, три года, и прочее. У меня получается хорошая выслуга, осталось три года дослужить. Он говорит: «Три года дослужишь?» Я говорю: «Нет, я не поеду туда, в Новгородскую область». Почему? Жена мне поставила условие, что «ты офицер, тебя будут бросать сейчас по гарнизонам, я буду как ниточка за иголкой за тобой, с семьей, куда ты, туда и я. Но потом, когда кончишь ты службу свою, сделай так, как я хочу. Я хочу жить там, где растут яблоки. Воронежскую область». Ну ладно. Запланировали Воронежскую область. Генерал предлагает Новгород, а я ему говорю: «Слово дал жене, что я буду переселяться только в Воронежскую область». Направили туда документы, но там почему-то тоже не оказалось штатных мест, я принял предложение в Новгородской области, Валдай. Здесь я дослуживал, дорабатывал и здесь я уволился на пенсию. Уволился в запас на пенсию. Потом уже дожил до 1987 года, нет, до 1999-го уже. Мама у меня тяжело заболела, она в Томске жила с сестрой. Они там уже из аварийного жилья тоже выбрались, получили квартиру. Она в этом доме проживала и в возрасте 87 лет тяжело заболела. И мне сестра звонит оттуда: «Так и так, мама просит тебя приехать. Она тяжело больна». Я говорю: «Хорошо. Буду собираться, приеду, как я освобожусь — приеду». И однажды странное дело. Я человек неверующий, атеист, вообще в чудеса не верю, а тут случилось какое-то чудо. Однажды я вижу сон. Маму вижу как живую. Она лежит на смертном одре и говорит: «Боречка, мне очень надо с тобой поговорить, я не могу уходить в могилу с тайной, которую я всю жизнь хранила от тебя». Это как вживую видел сон. Я просыпаюсь, ничего не могу понять. Да. Тут звонок мне от Тани, говорит: «Мать в тяжелом состоянии, вылетай». На 6 ноября, 6 ноября, касса закрыта, денег взять негде, я пытаюсь взять со сберкнижки деньги, нету. Побежал по друзьям, набрал денег, вылетаю, срочно вылетаю. И мать я уже... Да. А погоди, я перепутал маленько, это годом раньше было, годом раньше, да. Прилетаю в Томск, мать тяжело больна, на смертном одре буквально лежит. «Мама, мама, что с тобой?» Она говорит: «Боречка» — и повторяет мне те слова, которые я видел во сне, говорит: «Боря, я не могу уйти из жизни, пока не открою тебе тайну, которую я всю жизнь хранила. Твой отец фактически не погиб на фронте, он арестован был как враг народа». Я говорю: «Как? И ты мне ничего не говорила?» Она говорит: «Я боялась тебе испортить, искалечить жизнь. Я знаю, что такое, дети — враги народа. Это лишения всего, и детства, и работы, и нормальных условий жизни. Это вечные изгои». У нас таких [нрзб], я помню такие случаи, когда дети арестованных, и действительно, они были как в изоляции, как белые вороны, с ними даже боялись дружить, с этими семьями. Такая была обстановка в то время всеобщего страха. Вот она мне стала рассказывать эту историю, как был арестован мой

отец. Я говорю: «Мама, ну что ж ты наделала?» — «Вот потому-то я и плакала, когда ты поступал в ЧК, когда ты дал согласие. Потому мне было горько, что твой отец пострадал от этих органов, а ты идешь туда работать». Я говорю: «Ну я же не знал. Ты же мне не сказала». Вот такой был разговор. Понимаете, настолько на меня это подействовало — я получил серьезнейший сердечный приступ, инфаркт. Я тут же свалился. Здоровый мужик, я всё время занимался спортом, я был накачан. Верите, у меня были бицепсы 43 сантиметра, вот такие. У нее была талия 43 сантиметра, мы мерили сантиметром, а у меня бицепсы такие были. Занимался борьбой самбо, работал постоянно с гирями, со штангой.

02:01:56

16 килограмм гири постоянно была в руках.

02:01:59

Я свалился рядом с матерью. Мать испугалась так, что [говорит]: «Боренька, я тебя убила этим известием». Она соскочила, давай со мной отживаться. Она мобилизовала все силы в себе, и мы поменялись местами. Я оказался на постели, а она в роли санитарки, она неделю за мной ухаживала. Вызвали врача мне, накололи уколы и прочее, прочее. Я неделю лежал с инфарктом. Потом оправился. И потом морально я не мог оправиться. Это были у меня тоже вторые слезы после этого училища летного. Я не мог никак понять, как это так получилось. Но потом пришел в норму постепенно, уехал обратно сюда в Валдай, а мать потихоньку-потихоньку стала угасать. Вот в ноябре 2000 года она... Получаю от сестры очередной вызов: «Приезжай, мама умирает». Я приезжаю, она уже на смертном одре, всё, умерла. Я не застал ее буквально на сутки. Она лежит как живехонькая и даже как будто улыбается. Такая легкая улыбка у нее на лице. Свеженькая лежит... Умерла с осознанием выполненного долга, что она открыла мне эту тайну, которую хранила всю жизнь. Похоронили мою маму, потом я зашел в управление, рассказываю эту историю своим друзьям-чекистам. И старый чекист говорит: «Мать у тебя святая женщина. Она сохранила тебе самое главное. Она не изуродовала тебя морально. Она не сказала тебе, что ты сын врага народа так называемого, арестованного». Ну ладно. Правильно. Потом я встретился с генералом, который был моим начальником, пригласил его сюда в гости на Валдай из Москвы. Стал расспрашивать, говорю: «Как же так? Ведь мы же проходим такую проверку до седьмого колена. И вы, зная, что у меня отец арестован по линии НКВД и официально считается врагом народа, и вы меня приняли в органы КГБ. Как? Как это получилось?» Он говорит: «Да мы всё прекрасно знали. Мы получили данные все на твоего отца, на тебя. Знали, что он осужден невинно, что он расстрелян незаконно, что ты об этом ничего не знаешь, что ты живешь нормальным пионером, комсомольцем и коммунистом, не прошел эти унижения все, не искалечен морально. Поэтому мы взяли тебя и на работу, и на прицел как кандидата, потому что ты подходишь наилучшим образом». Образование, военная подготовка, активная жизненная позиция, жизненный опыт, ну и прочее, прочее — всё это перечислил. «Мы, — говорит, — всё знали. Решили тебя взять вот с такими параметрами». И тоже мне ничего не раскрыли. Он говорит: «Зачем? Не надо».

02:05:37

Подождите. Ничего не раскрыли, не надо, но они при этом знают.

Знали они всё, да. Потом я принялся [заниматься] розыском документов, стал писать запросы, мне дали направление, куда писать и как писать. Быстро получил ответ из Кемеровского управления, где арестован был отец. Да. Поехал туда, ознакомился с делом, подняли из архива дело, стал читать дело — сплошная липа, сплошная липа. Одни предположения, что вот был в контакте с немецкими специалистами, Курт Нагель, Вальтер Шейфер, прочее, прочее, перечисляются связи отца, с которыми он работал в контакте. И, возможно, он был завербован и использовался в качестве шпиона — предположение. На основании этого предположения арест и расстрел. Представляете? Документы, я обратил внимание, забрызганы кровью, коричневые пятна. Значит, моего отца пытали, пытали, били, выколачивали признание. И там я получил второй инфаркт на этом деле. В Кемерово тоже мне [вызвали] скорую помощь, в больницу [нрзб]. Пришел в себя когда, запрос на реабилитацию оформил. Мне выдали справку о реабилитации, о реабилитации, реабилитации отца и моей семьи.

02:07:46

То есть он не был в хрущевскую оттепель реабилитирован?

Нет. Он был раньше реабилитирован. Да, в хрущевскую оттепель, да, конечно, потом, да, правильно, правильно. В конце 1950-х годов он был реабилитирован. А я ничего не знал об этом. Ну ладно, справку я получил, вот с тех пор я являюсь жертвой политических репрессий. Получил этот статус, влился в эту команду, потом умирает наш председатель общества жертв

политических репрессий, Марголин. Собрание собрали, кого выбрать, все почти единогласно меня выдвинули, я принял эту организацию под свое руководство. С 2002 года, на будущий год 20 лет уже будет, как я руковожу этой организацией жертв политических репрессий. Делал всё для помощи жертвам политрепрессий, то есть по обеспечению дорог, коммунальных услуг, бесплатной установки телефона, выколачиванию путевок в санатории, организации лечения, организации запросов на подтверждение реабилитации. Многие были, приходили просто, говорят: «У меня была арестована семья, я был в ссылке, но у меня ни документов, ничего нет. Как это делать?» Я посылал запросы, направлял, короче говоря. Такую организационную работу вел всё время. Сначала было работы много, потом меньше и меньше, сейчас она свелась к нулю почти, потому что все получили документы, всё утряслось, устаканилось. Была проблема только с памятниками. Памятники, я вам рассказывал. Первый был в жутком состоянии. Первый, что я перетащил на новое место, заказал новую плиту, «скорбящую мать». Потом разрабатывал проект, как сделать стелу, хотя одну стелу сначала планировал со статистическими данными, со статистикой, сколько репрессировано, это стелла справа которая стоит.

02:10:15

Ага, ага.

Потом мне ударило в голову написать стихи. Я написал стихи, я опубликовал их на второй стеле, посвященные, которые я вам читал. Получился такой мемориал, памятник. Ну, Танечка, пожалуй, вся история.

02:10:37

Я сейчас буду задавать вопросы, если на какие-то не хотите отвечать или не можете, вы спокойно можете пропускать. От момента, когда вы сказали, что вы помните, как отца уводили, что это у вас осталось...

Да.

02:10:55

Дальше, вот этот вот человек, которого вы, пятилетний мальчик, ассоциируете с отцом. Вам мать что-то как-то объясняет, почему он исчез?

Да, объясняла.

02:11:09

Что говорила?

А все уходили на фронт, и отца забрали на фронт. Все ушли на фронт. А потом он воевал, потом пропал без вести.

02:11:20

Фамилия у вас осталась ваша же?

Мать жила сначала на отцовской фамилии, зарегистрирована, но у нее были проблемы с поступлением на работу в Томске. Она под комендатурой была, так? Эта фамилия ей мешала постоянно. Потом ее надоумили друзья Николая Ивановича. «Ты, — говорят, — потеряй паспорт и получи новый по заявлению, но на девичью фамилию, на Зайкову». Она так сделала. Паспорт уничтожила, пришла в милицию с заявлением, что украли или потерял паспорт. И метрики, что она Зайкова. Ей выдали новый паспорт на фамилию девичью. Она стала под новой фамилией, и эти проблемы снялись автоматически. Она на очередное место пришла как Зайкова — никаких вопросов нет.

02:12:16

И вы стали Зайковым?

Нет. А я остался на прежней фамилии.

02:12:20

На фамилии отца?

Да, на фамилии отца, Шкляев.

02:12:24

И никогда ее не меняли?

Нет, я не менял.

02:12:27

Когда какие-то семейные расспросы, рассказы — фотографии отца существуют в альбомах? Или мать их уничтожила? Или вообще она рассказывает про отца что-то? Она придумывала это? Или как это вообще?

С фотографиями такая история была. У нас был семейный альбом, который она еще из Прокопьевска [привезла], с моим отцом, но Николай Иванович сказал, это очень опасно — хранить эти фотографии, и сам собрал их и почти все уничтожил. Потому что он понимал, что такое хранить документы, [по] которы[м] она имела касательство к врагу народа. Но осталось несколько фотографий, несколько осталось фотографий. И они у меня частично здесь, прямо в книге. Это фотография моих дедов и прадедов. Где она? Сейчас скажу. Мой дедушка.

02:13:36

В семейном архиве они у нас есть.

02:13:36

Вот они.

02:13:39

Это старинные фотографии, еще дореволюционные.

02:13:41

Вот это вот. Мой отец. Его родители. Это моя мама. Это Николай Иванович. Это моя молодая семья. Это я молодой офицер. Вот я уже в зрелом возрасте.

02:14:08

Когда... Еще возвращаемся чуть-чуть назад. Вот тот рассказ, который сейчас мы записали, — это рассказ взрослого человека, жена, восьмой десяток.

84 мне сейчас.

02:14:26

Прекрасный возраст. А вот воспоминания пяти-, шести-, семилетнего ребенка. Как-то вот этот переезд в теплушках. Что-то вы можете рассказать не с точки зрения вот сейчас уже взрослого человека, чтобы это было связно, а может быть, какие-то острые, как импрессионист, что-то помните именно из этого переезда? Как вы ехали?

Я это отчетливо помню, я это отчетливо помню, какой тяжелый был у нас переезд. Нас затолкали в вагоны, вот по 60 человек в вагоны, с детьми, со старухами, нары, трехэтажные нары, чтобы разместить всех, понимаете. Печка-буржуйка посередине вагона, чтобы обогреться. Это нас в сентябре вывозили, в начале октября, уже зима начиналась. Мы долго стояли в тупиках. Доехали до станции Тайга, узловая станция, там идут воинские эшелоны на запад, оттуда, с запада идут эвакуированные заводы, везут оборудование. Дорога занята, и такие второстепенные составы, вот эти арестованные, они ждут свою очередь, когда откроется коридор. И мы неделями и больше стояли на станциях, и даже гадить-то некуда было, потому что туалета нет. Там дырка в полу прорезалась, для того чтобы сходить в туалет. Пока поезд движется, это всё размывается по железной дороге, это не видно. А там кучи такие образовывались: по две недели стояли в тупиках. Вонь, антисанитария. Но потом это всё... Нас протолкнули всё-таки на север туда. Приехали, было первое впечатление от этой тайги, что попали в глухую тайгу. Барак. Расселение вот это вот. Теснота опять. Ну что такое 12 человек в комнате 20-метровой. И запомнилось особенно холод и голод. Кормежка была ужасная. И холод, постоянный холод, всё время мерзли, несмотря на то, что печка топилась не прекращая, благо дров в лесу, в тайге сколько хочешь. Но само жилье такое необорудованное было. Барак он и есть барак, продувной. Томск запомнился хорошо. Знакомство с Николаем Ивановичем. Как мы вздохнули, буквально вздохнули, когда я попробовал это топленое молоко горячее с этим жиром с барсучьим. Я неделю буквально попил его — и я стал восстанавливаться, я стал

набирать силы.

02:17:45

Вы его отцом называли? Он для вас отец?

Да, я называл его папа. Он очень ко мне хорошо относился. «Ты, — говорит, — будешь моим сыночком?» Я говорю: «Буду. Буду». — «Ты меня будешь звать папой?» Я говорю: «Буду». Он хороший был человек, очень добрый, ласковый.

02:18:08

Свидетельство о смерти отца, существует ли оно в семье или нет?

Ну да, справка о реабилитации, это и есть...

02:18:17

Нет-нет, справка о реабилитации — это одно. А свидетельство о смерти есть в семье или нет? Мать не передавала?

Нет. Нет.

02:18:25

Когда вы сказали, что она узнала про 10 лет без права переписки, был какой-то документ о 10 лет без права?

Нет, ей объявили.

02:18:37

Ей объявили?

Что арестован на 10 лет по 58-й статье, там пункт такой-то такой-то. Там много пунктов.

02:18:46

Вот об этом вы узнали, уже когда она умирала, она вам сказала?

Да, да.

02:18:49

Да?

Да, да-да.

02:18:50

Когда ваш отчим Николай Иванович своими какими-то способами узнает, что он был расстрелян, какой это примерно год, как вам кажется?

Это с сорок... Конец 1942-го — начало 1943-го, где-то так вот.

02:19:12

То есть еще в войну.

В войну, да.

02:19:13

Он уже знал, что вашего отца больше нет.

Да. Он принес прямо документы, документ, что отец расстрелян, матери. Я не знаю где этот документ, у нас потом еще и пожар был, многие документы сгорели. Короче говоря, мать от него узнала, что отец расстрелян.

02:19:43

Помните ли вы день смерти Сталина?

Помню. Прекрасно помню.

02:19:47

Где были, что делали, как это было? Что с вами было?

Я уже начинал работать. Это был 1953 год, 1953 год, я уже работал в электросетях подсобником. Я помню, как вся страна рыдала и стонала, и было такое чувство глубокой растерянности: как же мы без вождя будем жить? Без родного Сталина. Вот такое было впечатление. И вся страна стонала. А кто-то радовался, что наконец избавились от тирана. Были и такие, я это знаю.

02:20:26

А мама?

А вот я не помню реакцию мамы, откровенно говоря. Я помню, что нам... На работе митинг был траурный, рассказывали всё о болезни Сталина, о его смерти, о том, что он сделал для Советского Союза, что он сделал для народа, что это гениальный человек и прочее. А потом было другое собрание через некоторое время, XX съезд, развенчание культа личности. Это второй шок. Мы узнаём, что наш вождь угробил полстраны и уничтожил народа собственного больше, чем Гилер со своей машиной военной с громадной. И когда после войны, Черчилль высказал сочувствие и соболезнование Сталину, что, говорит, «сожалею, что столько народу много погибло во время войны». Он говорит: «Ничего, во время коллективизации еще больше погибло». Коллективизация таким бичом ударила, такой дубиной по стране, раскрестянили всё. Сталин вернул практически крепостное право. Александр II освободил крестьян от крепостного права, дал волю, свободу, а Сталин вернул, только в государственном масштабе. Уже не от барина зависел крестьянин, а от государства. У них отобрали паспорта, [права] паспорт носить лишили, закрепили за колхозами, выезд был запрещен, отрыв от работы считалось как преступление, подсудное дело. И никто не мог выбраться из этого колхоза, и работали за палочки, за трудовни. Единственный путь был выбраться из колхоза — это поступление в техникум для молодежи или через армию. Уходили ребята в армию, оттуда уже не возвращались в колхоз, а поступали в городе в основном в милицию. А больше никуда. А потом, через какое-то время, отработав в милиции, распределялись кто куда, по работам другим, по заводам, по фабрикам. Вот два таких пути выхода из колхоза, а иначе всё это было противозаконным, каралось, преследовалось органами.

02:23:10

С вашей точки зрения сейчас, вот эта система государственных репрессий, это была необходимая история для консолидации страны или нет? Без этого можно было обойтись.

Не совсем...

02:23:27

Для вас это важно? Как вы объясняете причину этих репрессий?

Причины? Болезнью Сталина. Сталин, как известно, был параноиком, это мания преследования, он всё время боялся каких-то заговоров, постоянно искал врагов. Он уничтожил весь руководящий состав советской армии, фактически перед самой войной обезглавил армию, только поэтому мы драпали до самой Москвы, наши войска. Некому было командовать, грамотных командиров всех уничтожили, из девяти маршалов осталось три. Шесть были расстреляны. Это Егоров, Тухачевский, Блюхер, Якир, [нрзб]. Они все были расстреляны. Корк. Это маршалы, это ведущие специалисты, военные, которые добровольно приняли советскую власть, которые всю прошли гражданскую войну, были награждены наградами государственными, у них по три, по четыре ордена за гражданскую войну. Примаков, например, четыре ордена имел. Расстрелян. Их всех включили в число врагов народа. Почему? Потому что Сталин боялся захвата власти. Ему мерещились враги, которые могут отобрать у него власть. Знаете, у людей, у параноиков две болезни. Одни стремятся к обогащению и хапать, хапать, хапать под себя, под себя. У других — боязнь, как бы у них не отобрали власть. Для них дороже власти ничего нет. Как известно, Сталин был очень скромным человеком в быту, он не пользовался никакой роскошью. Я был у него на даче в Цхалтубо, на Сталинской даче. Предельно простая солдатская обстановка, ничего лишнего. Он так же скромно питался, скромно одевался, сапоги носил по несколько лет свои кавказские. Он для себя лично ничего не имел, в отличие от других. Вот Георгадзе, например, когда его арестовали, у него 11 килограммов бриллиантов изъяли, только бриллиантов! Кажется: куда? А Георгадзе был председателем Президиума Верховного Совета. Второй человек. Куда хапал? И другие обогащались. А Сталин к этому не стремился, для него была главная ценность власть.

Он боялся, как бы не отобрали. Он весь ленинский актив уничтожил. Вся ленинская гвардия, вся попала под нож репрессий. Вся верхушка армии попала под нож репрессий. Ученые многие, Вавилов, Чаянов, Сикорский, Зворыкин. Сикорский, вы знаете, создатель вертолета. Зворыкин — изобретатель телевидения. Это всё сделано в Америке, только потому, что они успели сбежать, Сикорский, Зворыкин в Америку сбежали. Они сбежали. Сначала сбежали один через Финляндию, а другой, по-моему, из Молдавии, через Румынию. А потом оказались в Америке и там уже свои изобретения реализовали. В результате не Советский Союз получил вертолеты, а Америка, не Советский Союз получил телевизор, а Америка. Генетика уничтожена была Сталином. Такие ученые, как Вавилов, Чаянов, это генетики великие, которые признаны всем миром, тоже были уничтожены, потому что признавалась лженаукой и [нрзб] вот этого проходимца Лысенко, который создавал лженауку, так сказать, и многих утопил своих конкурентов. Артистов сколько было арестовано. Русланова сидела. Какая она, к черту, шпион? Козловский, певец, в Магадане всю жизнь прожил. И так далее.

02:28:13

Такой странный вопрос. Развенчание культа личности, Хрущев. При этом Хрущев сам замешан в большом, больших и страшных...

Репрессиях.

02:28:29

...репрессиях. То, что делал Хрущев на фронте, это просто уму-разуму не поддается, то, что он сделал в Киеве в 1930-е годы, уму-разуму не поддается. Почему он это? Почему вдруг развенчание культа личности? Зачем это было сделано? У него у самого руки по локоть в крови не меньше.

Не меньше, не меньше. Я согласен с вами, не меньше. Как вам сказать, почему?

02:29:00

Просто как вы думаете. Не как принято, не как правильно. Вы мне скажите, как вы сами думаете.

Как государственный деятель, он никакой, он кроме вреда ничего не сделал. Он разрушил армию, ликвидировал 600 тысяч, отправил на мобилизацию. Он порезал линкоры, новые корабли, много сделал. Кукурузу заставил культивировать на севере, глупые такие решения принимал. Как государственный деятель, он никакой. Но ему надо было, дорвавшись до власти, удержаться на власти. А как удержаться? За счет критики других. Как обычно. Даже у нас такой анекдот существовал. Говорят, как только предъявят тебе претензии, да? Что плохо работаешь. Вали на предшественника. Пиши первое письмо: предшественник виноват. Потом готовь второй конверт, что плохое руководство было во время работы. В третьем пиши заявление о переходе на другую работу. Ну вот, «вали на предшественника». Он и валил туда, что Сталин виноват в этих репрессиях, что он тут был под его влиянием, под его воздействием. А может, так оно и было. Потому что не подпиши он эти расстрельные приговоры, как и другие, и он бы оказался как бы соучастником преступления. Вроде как человек, который сочувствует, допустим, преступникам, врагам народа. Это как бандитов замазать одной кровью, так и Сталин всех пытался и делал так. Замазать этой кровью. Чтобы не только его подписи были под расстрельными приговорами, а все. Жданов, Хрущев, Маленков. Они же тоже подписывали эти расстрельные приговоры. Хрущев здесь сделал козлом отпущения Сталина. Хотя то же самое. По локоть, правильно, у него были руки в крови. Что он в Киеве там наделал — это ужас. Он и в Москве уже, когда он перевел, был переведен первым секретарем горкома, он и там предъявил Сталину требование на уничтожение 100 тысяч. На арест и уничтожение 100 тысяч. Независимо кого, лишь бы арестовать. И сослался на что? Марат и Робеспьер уничтожили 100 тысяч во Франции аристократов, а мы врагов народа уничтожаем. Все эти бывшие царские прислужники, как сказал он, дворяне, офицеры, монахи, священники — это всё враги народа, надо их всех уничтожать. И сделал запрос на 100 тысяч. Так Сталин ему ответил: «Уймись, дурак. Уймись». Даже он понял, что слишком много пролито крови. И потом всё-таки до него стало доходить, потом он разрешил снова возрождение церкви, возвращение патриархии в Россию. Это после того, как он получил два страшных урока. Это после вскрытия могилы Тимура, Тамерлана, когда ему ведь явно сказали, что есть священное писание, в котором Тимур оставлял замечание такое, что «кто вскроет мою могилу, тот получит страшную большую войну, не делайте этого». Это было в их книгах, на фарси было записано. И старейшины все эти знали в Туркменистане, там это знали все старики. Когда Сталин дал добро академику [нрзб] на вскрытие могилы Тамерлана, ему об этом доложили, что пришли старики с этой священной книгой и сказали: «Нельзя вскрывать могилу Тамерлана. Будет война». Сталин не отреагировал на это, не дал отмашку. Могилу вскрыли. И в тот же день началась война. В тот же день, 22 июня. Для Сталина это был шок, удар. Он приказал

вернуть Тамерлана мощи туда, в могилу обратно, саркофаг задвинуть, восстановить всё в прежнем состоянии. Это раз. Второе. До него дошло то, что в церковно-приходском училище до него доводили, когда он учился там, в юности. Когда во время польского нашествия Москву обносили крестным ходом иконы Казанской Божьей Матери. Якобы эта икона предотвратила дальнейшую оккупацию Москвы от поляков. Хотя там не икона, конечно, а война Минина и Пожарского, вот это ополчение сыграло главную роль, военные действия, но тем не менее. Он дал приказ принести эту икону Казанской Божьей Матери и на самолете ее сделать облет вокруг Москвы. Знаете об этом факте?

02:34:43

Да, знаю.

Ну вот. И потом он понял, что вера — это такая же идеология, не менее сильная, чем коммунистическая, а даже более сильная, и она в народе осталась. Что верующих очень много, и они уязвлены, они оскорблены ущемлением церкви, уничтожением духовенства. Только работников духовенства было уничтожено более 40 тысяч. Знаете об этом? Это в книге есть. В книге памяти. Более 40 тысяч. Только духовников. За что? За то, что богу молились, что народу помогали выжить. Вера, какая бы она ни была, она дает духовную поддержку человеку верующему, мобилизует его внутренние силы на борьбу со всеми возможными недугами и недостатками. Вот даже по аналитике, по погибшим, вернее по количеству смертей в лагерях, нашли такую закономерность, что верующие больше выживали, чем неверующие, потому что они всё время молились и поднимали в себе внутренние душевные силы. Это много значит, когда человек мобилизует себя, он сопротивляется болезням, голоду, холоду.

02:36:29

Это правда. Как Пушкин [писал]: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете».

Да.

02:36:35

У человека есть смысл.

Не Пушкин, Грибоедов.

02:36:37

Жизнь имеет смысл.

Грибоедов, да?

02:36:40

Да. А вот такой вопрос. Вы приходите в органы в 1966 году. Оттепель, с 1966 года государственная идеология до 1980-го примерно, она только усиливается, оттепель заканчивается, начинается застойный...

Закручивание гаек.

02:37:03

Закручивание гаек, да. По роду деятельности вы сталкиваетесь с инакомыслящими, с людьми, которые не поддерживают систему? Кого вы называете врагами?

Я никого не называю врагами.

02:37:19

Органы называют врагами.

Сейчас и органы не называют врагами народа, тоже не называют. Потому что есть люди инакомыслящие, есть диссиденты так называемые, которые имеют собственную точку зрения, свой взгляд на жизнь, взгляд на действия правительства. Критически оценивают действия правительства, так или не так они действуют. Вот допустим, был принят закон по репрессированным после реабилитации, о выделении льгот определенных жертвам политических репрессий. Это 50% оплаты за ЖКХ, жилье, бесплатное предоставление санаторных путевок, лечения дорогого, которое может быть платным, ремонт зубных протезов, прочее-прочее. Выделение земельных участков внеочередное, выделение строительного леса, это всё было заложено в льготах. Бесплатный проезд на транспорте, в городском, в

междугородном и один раз в год по железной дороге или самолетом в любой конец страны. Эти льготы все отменены. Эти все льготы заменены денежным эквивалентом, так сказать, ЕДВ. Так вот, когда мы пересчитали, что такое ЕДВ и что такое льготы... Даже такая льгота была: инвалидам, жертвам политических репрессий, выделялась бесплатная машина. Я сам получил. Я сам получил машину, ока. Но это машина. Сейчас всё это ликвидировано, заменено на копейки. Такой удар. Людям надо проехать до больницы — они вынуждены платить за автобус. А тогда удостоверение показал — поехал бесплатно. Трамвай, троллейбус, метро, пригородные поезда — это всё бесплатно предоставлялось жертвам политрепрессий. Сейчас этого ничего нет, всё ликвидировано. Мне надо ехать в больницу, допустим, в Новгород — плати за автобус. Туда-сюда, туда 500, обратно 500. Как это, накладно? Накладно. Ну хорошо у меня военная пенсия. А кто живет на 13, на 14 тысяч? Как жить? Старуха стоит у прилавка, смотрит на кусок колбасы и не знает, брать его или не брать. Или кусочек масла, или сметаны. Считает копейки, хватит у нее, не хватит. Нормально? Нет, конечно, не нормально. Действия правительства тоже оцениваются народом по-разному. Одни в восторге, что Путин правильно говорит, правильно руководит. Да, говорит правильно, а делает наоборот. Когда он приходил к власти, он сказал: утечке капиталов надо дать тормоз, никакой утечки не должно быть. Страна теряет миллиарды на утечке капиталов. Олигархи используют земные недра, ресурсы, добывают алюминий, нефть, газ, сталь, сплавляют за границу, и деньги оседают там, на их личных счетах. Сюда ничего не возвращается. Миллиарды теряем. Вывоз капиталов равнозначен бюджету страны. Путин сказал, что это задача номер один. И что на самом деле? На самом деле то же самое продолжается сейчас, ничего не изменилось. Ничего не изменилось. Вот вам Путин, говорит одно — делает другое. Говорит, клясся: «Пока я у власти, повышения пенсионного возраста не будет. Я строго стою на этом». Через год: «Ах, извините, меня убедили, что мы не можем без увеличения пенсионного возраста». И всё, отступил от своих слов обратно. По вооруженным силам: назначил этого Сердюкова. Это его ставленник, Сердюков. Он полностью развалил армию. Если бы не Шойгу, мы бы сейчас были беззащитны вообще. Развалил. Он пять академий по подготовке офицеров разных родов войск, военно-морской, военно-воздушный, артиллерии, пехоты и прочее, пять академий упразднил. Распродал военное имущество, столько, обогатился, что его девица, эта Васильева, Людмила Васильева, знаете, да? У нее было при обыске изъято на 260 миллионов рублей, 260 миллионов, золотых побрякушек и камушков. Потом всё ей вернули обратно. На каком основании? Это же ворованные деньги. Путин молчит. И Сердюков ушел спокойно, тихо. Он понял, когда сказали ему, что «что же ты, куда ты смотришь? Армия развалена напрочь. Военная наука уничтожена. А ты верховный главнокомандующий». Ему Зюганов об этом говорил, Селезнев, другие говорили напрямую. Он тогда опомнился. Жирик еще выступал по этому поводу. Надо менять. Он предложил Шойгу эту должность. И Шойгу поставил условие: «Я буду восстанавливать армию, буду восстанавливать военную науку, но мне не мешать. Если будут какие-то противодействия, я тут же слагаю с себя обязанности». Путин ему пообещался клятвенно, что не будет мешать. И Шойгу поставил армию на должный уровень. Сейчас и флот развивается, и авиация, и горючее нашлось. И армия сейчас такая, что дай бог каждому государству такую иметь армию.

02:43:49

Борис Олегович, вы остались государственным человеком?

Да.

02:43:52

То есть для вас государство — это важно.

Да, очень важно.

02:43:57

Тогда два вопроса. Вы государственный человек. И это государство прекращает в 1991 году свое существование. Для вас это была катастрофа или другая жизнь?

Это был удар капитальный. Мы были в страшной растерянности. Мы так жили верой в партию, что партия наша [нрзб], партия есть ум, честь и совесть народа. Она рулит как надо. И вдруг на тебе — партия.

02:44:33

То есть вы плохо работали. Вы государственная система, ее не сохранили. Вы плохо работали.

Да как не сохранили... Ну да, да. Выходит, да, плохо работали. Опомнились многие. Создали ГКЧП. Хотели предотвратить эту катастрофу. Но наши друзья заокеанские помогли уничтожить всю эту команду, которая пыталась оставить Союз в целостности и сохранности. Ведь

был проведен референдум в 1991 году, как относятся народы республик к возможной ликвидации Советского Союза, 80% высказались за сохранение Советского Союза. И потом этому референдуму не дали хода, всё заглушили. И в средствах массовой информации всё это замяли, затерли. А народ был против этого. Отдельные националисты рвались наружу, «дайте свободу». И потом [нрзб] и сказал: «Да берите этой свободы сколько хотите, пока не подавитесь. Сколько сможете проглотить». Помните?

02:45:55

Нет, я никого не помню.

Ну вот.

02:45:58

Я только помню, как он подписывал этот...

Это его слова. Так что это была катастрофа для народа, страшная. Катастрофа и государства, потому что всё, что имел народ, всё, что имело государство, попало в руки нечистых на руку дельцов, так называемых гарвардских мальчиков, которых вызывали в Америку, гранты им давали, учили их в своих учебных заведениях. Они там стажировку проходили. Гайдар, Чубайс, Немцов, прочее. Вот они и разваливали страну. Особенно Чубайс с Гайдаром.

02:46:46

Но ведь система Советского Союза изначально, как только появилась, с моей точки зрения, строилась на системе репрессий. Любое государство — это репрессивная некая машина. Но преступлений по отношению к собственным гражданам... По числу преступлений, которые совершены государственной машиной по отношению к собственным гражданам, мы, по-моему, впереди планеты всей.

Нет, нас опередили.

02:47:20

Какая страна?

Кампучия. Пол Пот уничтожил, два деятеля, Пол пот и Иенг Сари, они уничтожили треть населения своей собственной страны. Треть населения. У нас до этого не дошло, у нас пострадал каждый четвертый, если считать членов семей. Самих репрессированных, допустим, 100 человек, а пострадало 500, потому что у каждого репрессированного дети, родители, жены, мужья и прочие, так? Члены семей тоже пострадали. Если взять это количество, пострадало 40 миллионов. А непосредственно арестованных — пять-шесть, семь миллионов. Но все же они с семьями, семьи тоже пострадали. И я был в ссылке, моя мать была в ссылке, и другие.

02:48:20

Когда вы узнаете, что вы жертва политических репрессий и ваш отец носил этот титул, это название «враг народа», когда вы получаете инфаркт, почему для вас это стало таким потрясением? Что вас так выбило из колеи? Почему это стало таким страшным?

Потому что я никак не ожидал такого. Я был уверен, как со слов матери, что мой отец очень образованный человек, горячий патриот Родины, он любил Родину, он старался всё делать, чтобы развивалась и угольная промышленность, и образование поднималось. Он сам преподавал в институте, понимаете? Таких людей не так уж много, с таким образованием, с таким интеллектом, с таким образованием. И он всё делал для блага народа и государства. Конечно, было непонятно, как это так — такие люди подлежат уничтожению. Я специально взял книгу, она там у меня лежит. Наташенька, подай, пожалуйста. «Элита Красной Армии на Голгофе». Рекомендую для прочтения. Где описывается, как была уничтожена руководящая, руководство Красной Армии.

02:50:06

А вот мы говорили, что было уничтожено руководство Красной Армии, лучшие ученые, лучшие актеры, определённые, первые, да, первые...

Лучшие люди.

02:50:21

Лучшие люди. Лучшие футболисты, лучшие сантехники, вообще, лучшие, словом, лучшие. И вы...

Почему? Потому что лучшие люди могут претендовать на власть. Лучшие люди могут избраться и дать направление новое, а Сталин страшно боялся потерять власть. Для него эта элита Красной Армии была...

02:50:46

И вот в этой системе, вот в этой репрессивной системе появляется инакомыслие, появляется течение... Просто, наверное же, помимо жертв политических репрессий, существовало некое движение, которое и послужило тем, что всё-таки Советский Союз рухнул. Или это не так? Или это исключительно такая западная, западная какая-то, западный сценарий, и поэтому вдруг рухнула эта странная и страшная система?

По западному сценарию работа велась очень давно. Аллен Даллес сразу после войны, выступая на Всемирном еврейском конгрессе как известный еврей, Аллен Даллес, он заявил, что «сейчас нам с Советским Союзом не справиться, Советский Союз имеет уже атомную бомбу и серьезную армию, поэтому мы его развалим изнутри. Мы среди народа этой страны найдем людей, которые будут работать на нас. Мы найдем таких предателей, которые будут ловить наши доллары и жить мечтой о том комфорте, в котором живем мы. Мы заставим мыслить по-своему, по-другому». Я могу найти эту речь Даллеса в более подробном [варианте].

02:52:21

Он там говорил о растлении семьи.

02:52:23

И не только семьи.

02:52:24

Алкоголь, наркотики, зависимость.

02:52:27

«Мы будем активно культивировать самые, порой, низменные пороки в характере человека. Это тяга к алкоголю, к наркомании, подлость, предательство. Всё это будет расцветать махровым цветом, а мы будем помогать, и помогать, и помогать своей пропагандой». И через «Голос Америки» [«Голос Америки» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — прим. Ред.], через ВВС они постоянно пропагандируют свой образ жизни, критиковали, выступали с критикой. Они берут какой-то факт и обсасывают его, потом преподносят под одним соусом и сворачивают людям мозги набекрень.

02:53:02

Молодежи, акцент был на молодежь.

02:53:05

Да.

02:53:06

На будущие поколения. А эти поколения, которые выжили в войне [нрзб].

02:53:10

Вы не читали вот эту речь Даллеса?

02:53:14

Нет.

Я вам найду, если хотите.

02:53:16

Нет, но это известный факт, что она существовала, я могу посмотреть в интернете.

Вот в момент окончания войны они уже плодотворно работали в этом направлении, потихоньку раскачивали. Раскачивали. Вот эта вот мура западная, она внедрялась, внедрялась, внедрялась потихоньку. Поэтому произошел медленный такой отказ от коммунистических принципов, тяга к роскоши, тяга к хорошей жизни, появились цеховики, появились деловые люди, которые стали обогащаться теми или иными путями. Появилась коррупция. Раз появилось вот это обогащение, значит, нужно было найти защиту, а где защиту? В правоохранительных органах. Стали подкупать, появилась коррупция. Слияние вот этих правоохранительных органов с преступностью — это и есть коррупция. Слияние. Вот оно и пошло. Как ржавчина стало разъедать советскую идеологию. Пошло-поехало потихоньку, дальше больше, дальше больше, а потом стали внедрять в партийные органы людей, которых они уже подготовили, в том числе и Горбачева. Горбачев потом честно признался, что «моей главной задачей было внедриться и развалить коммунистический строй в Советском Союзе». Это его слова. Знаете об этом?

02:54:49

Борис Олегович, для меня-то коммунистическая идеология преступна, потому что она уничтожила огромное количество людей безвинно. И если бы она не прекратила свое существование, она бы продолжила свою деятельность преступную.

Это не идеология. Идеология совсем о другом говорит. Идея — свобода, равенство, братство. Это самая привлекательная идеология. Это коммунистические идеи, то, что было начертано на знаменах Марата и Робеспьера в Первой Республике французской.

02:55:26

Сейчас Швеция живет по этим законам. Процветает.

02:55:28

Равенство. Но у нас сейчас такое равенство, что расслоение дикое. А в советское время оно было более-менее, приблизительно. Приблизительно одинаково бедно жили. Потом стало расслоение больше, больше, больше. Появились олигархи, цеховики подпольные, прочие. Коррупционеры потом уже как следствие. Дальше больше. А потом уже активные действия по возбуждению народа против власти. Вот 1991 год. Пошло-поехало. Они предателей в самые верха внедрились. И Ельцин, и Горбачев — это предатели.

02:56:14

Предатели чего?

Подготовленные там. Предатели родины. Предатели коммунистического режима. Генсек, Генеральный секретарь. Первый. Это первый человек в партии государственной. Горбачев. Я говорил об этом, что он заявил потом, что «моей главной целью было внедрение в партийные органы и развал коммунистического строя в стране». Это его слова. Он шел к этому всю жизнь, он перестройку организовал с этой целью. Сухой закон объявил, который настроил население против правительства со страшной силой. Это всё возбуждение населения против правительства. Сухой закон разве мало нанес? Вот это вот пустые полки. Когда продуктов было завалилось, а тракторами давили тушенку на складах, лишь бы только не продавать ее, чтобы создать только голод в стране, создать недовольство против правительства. Это же было, было. Прямо по телевизору, я помню, показывали, как давят эту тушенку тракторами на складах. Ящики вываливали, колбасу закапывали в ямы, в овраги. Только чтобы не положить ее на привалок. Чтобы возбудить население настроить против правительства. Вот что было в 1990-х годах. Страшно. Может, я вам историю, новость какую-то рассказал?

02:57:51

Нет, нет. Я уже в это время жила, и для меня кончина СССР была праздником. Это так. Но, например, в моей семье, как потом выясняется с определенным, со временем... В России нужно жить долго, чтобы узнать правду. Например, выяснилось, что у меня в семье был сотрудник НКВД. У меня бабушка блокадница, отец блокадник. И выясняется уже в 2000-х годах, что семья-то выжила только

потому, что тот был в НКВД. Тот был в НКВД, его жена работала в Елисеевском магазине, который всю блокаду работал. Они не шиковали, но у них всегда были отоваренные карточки. У меня там дед умер в блокаду, потому что он был на казенном, он инженер завода, он на казенном положении, и он там умер. А те, которые не были на казенном положении, они не были пышны, у бабушки была дистрофия, но они выжили — и выжили только за счет этого энкавэдэшника. Но в силу того, что энкавэдэшникам, говорить, что у тебя в семье был энкавэдэшник, стыдно, в семье это вообще никто никогда не знал.

Так, как моя мама меня защищала, то же самое, скрыла это, что отец арестован. Так и ваши родственники сохранили эту тайну, что у вас родственники энкавэдэшник. Правильно?

02:59:30

Правильно.

Тоже защищались морально. К вопросу о том, что же в конце концов произошло, я так скажу, что, что бы ни произошло, оно всё-таки всё равно идет к лучшему в какой-то мере. Всё выправится постепенно. В советское время тоже жили нежирно, мы постоянно были в нужде, постоянно в работе. Мы всё время выживали, всё время выживали. Я помню голодные годы, 1960-е, 1970-е, когда нечем было кормить семью. Нечем. Куска мяса в магазине не купишь. Всё сельское хозяйство разорено. Егор Кузьмич Лигачев, известный партийный деятель, если знаете такого, да? Он был назначенным первым секретарем в Томске, и по его инициативе была построена Туганская птицефабрика. Есть такой район, Туганский район, там создали крупную птицефабрику, и только благодаря этому поддерживалась жизнь в Томске, а так куска мяса не купишь. Все колхозы разорены, весь скот уничтожен, потому что уничтожено личное хозяйство. Начал Сталин, продолжил Хрущев. Вот это коллективизация, нужна она была или нет? Сталинисты говорят, что она была необходима, потому что Сталин строил индустрию социализма, нужны были деньги. И нужно было стабильный приток продуктов из села. А стабильный приток можно организовать только при коллективном ведении хозяйства. Так трактовалось, что трактора, комбайны и прочее могут купить только колхозы, частнику это не под силу, и частные клочки земли не могут дать столько урожая, сколько общее поле, на котором трудятся все колхозом. Поэтому загнали всех в колхоз, отобрали паспорта и заставили работать за трудовень. Но что получилось? Когда человек не имеет чувства хозяина, он работает как из-под палки, из рук вон плохо. И доярки пропускали время дойки, у коров загорало молоко в вымени, они болели этим маститом, прочей гадостью. Гибли стада. От бескормицы умирали. Я помню прекрасно, как когда мы приехали на одну ферму, в говне по колено коровы стоят, с грязным выменем, голодные, с крыши снимают солому, чтобы хоть как-то поддержать жизнь этих коров. За лето не могут собрать, потому что нет хозяина. Хозяин разве позволил бы уйти урожаю под снег? Да он в борозду ляжет замертво, не позволит пропасть ни одной картошке, ни одному колоску, потому что он хозяин, он сам посадил, он вырастил. На этом и держалось всё крестьянство, на чувстве хозяина. Это чувство хозяина было ликвидировано созданием колхозов, потому что у всех всё отобрали, собрали в кучу. Помните Шолохова, «Поднятая целина»? Как Кондрат Майданников страдал. Отобрали у него корову, забрали, а хозяйка плачет: «Мне ее подоить надо. В пять утра встала, а коровушка у меня там, она недоенная, она там мычит, плачет, ее подоить некому. Теленок, его накормить некому». Она плачет. Это чувство хозяина. У колхозников его отбили напрочь. Это Сталин начал коллективизацию такую. Она нужна была? Он обосновал научно, да, что нужна. Нужно золото стране, зерно нужно продавать за рубеж, а для этого нужно отобрать всё, поделить, создать колхозы. Сейчас, после этой перестройки, после этой пертурбации, кончился социализм, начался капитализм, бандитский, правда, капитализм. Ликвидированы все совхозы и колхозы, но страна от этого пострадала. 120 миллионов тонн зерна намолотили. Это мало? Советский Союз никогда столько не намолачивал, половины даже, при всех его колхозах и совхозах. Так вот вопрос. Нужны были эти совхозы? Нужна была эта насильственная коллективизация? Когда отбирали всё хозяйство у людей, заставляли работать из-под палки? Нет. Бухарин выступил против этого. И не только Бухарин. Там целая плеяда партийных деятелей. Что нельзя насильно организовывать эту коллективизацию, отбирать у людей всё. Выгребали всё до последнего зерна, экспроприация зерна. Помните, в 1930-е годы? Читали о них, конечно, читали. Когда выгребали всё и голод создавали искусственно, на Украине вот этот голод. Там был такой деятель, Косиор, который по указанию сверху, партийных органов, дал приказ выгрести всё, что крестьяне собрали, передать государству. Прямо ходили команды вооруженных людей, партийных и вооруженных, команды целые, отбирали всё зерно, всё зерно, картошку, всё. И на Украине при сравнительно хорошем урожае искусственно создали голод, голодомор который называется. Они честно говорят: это был голодомор. А вот они говорят: нет, это был голод, все голодали, и Поволжье голодало. Ну правильно, в Поволжье был неурожай, там была засуха, а там-то ведь не было засухи. Там был нормальный климат, нормальный, хороший урожай, а голод случился. Выгребли всё, вывезли сюда.

03:05:49	Борис Олегович, ну значит, эта страна — преступная страна? Преступная.
03:05:54	Не страна.
03:05:55	Не страна, а власть преступная.
03:05:56	Власть преступная? Власть преступная, страна ни при чем. Страна — это мы, это народ, это территория, на которой живет население. Вот это страна.
03:06:04	Это режим...
03:06:06	А вот режим преступный. Нельзя было это проводить. Я вам документы, на пальцах доказал, что сейчас нет ни одного колхоза, ни одного совхоза, а зерна намолотили в полтора раза больше, чем при Советском Союзе, при всех колхозах, совхозах.
03:06:23	Ну значит, хорошо, что оно закончилось, закончился этот режим. Хорошо.
03:06:27	Вы, как сотрудник бывший, стыдитесь того, что вы обслуживали этот режим, или нет? Нет. Я не стыжусь, потому что я... Видите, у нас время уже другое было. Я пришел во время обновления органов КГБ, когда все эти незаконные аресты были осуждены уже, осуждены.
03:06:51	Политзаключенных и тогда было много. И тогда их не расстреливали, их отправляли в сумасшедший дом. Ну было такое, да. Да, было.
03:06:59	Вы же знали про это? Ну я-то не имел к этому отношения, потому что я работал в чистой контрразведке. Контрразведка. Это борьба со шпионажем, это моя стихия. Это моя работа прямая, так что к этому я отношения не имею никакого.
03:07:20	К внешним [врагам]? Вы знали внешних врагов? Да.
03:07:23	Внутренним вообще?.. Нет. Диссиденты, инакомыслящие — меня это [не касалось], это пятый отдел занимался, это

подразделение совсем другое. А второй отдел, второе подразделение, — это чистая контрразведка. Первое подразделение — это разведка внешняя. Ну нам постоянно засылали агентуру, вербовали среди советских людей агентов, которые передавали секреты за границу. Вот с этим борьба велась с моей стороны.

03:07:55

Какой кошмар! У вас отец обвинен в том, что он шпион немецкий?

Да, да, да. Незаконно обвинен. Без всяких доказательств. Для осуждения нужны доказательства неопровержимые, что вот, да, действительно, он был завербован, вот материалы, которые он передавал, что должно быть задокументировано: от кого, кому, куда, какие материалы. Натуральные доказательства. Их нет. Голословные обвинения, что раз он контактировал с Куртом Шефером, с немецким специалистом-инженером, значит он возможный шпион. На этом предположении строится доказательство, и, как Вышинский говорил, признание арестованного является царицей доказательств. Признание обвиняемого является царицей доказательств, потому что неважно, можно доказательств не иметь, но если он дал признание своей вины, а их выколачивали зверским способом, так выколачивали, что просто ужас, человек терял человеческий облик. Вот один из офицеров комкор, командира корпуса, Рокоссовский, был арестован в 1939 году. Он просидел в ленинградской тюрьме на Литейном два с половиной года. Его так мутузили, так выбивали из него показания, что он имеет отношение к заговору Тухачевского против Сталина, ему переломали ребра, три ребра сломали, выбили все передние зубы, разбивали молотком ногти на пальцах. Представляете, какая боль дикая? Урони что-нибудь, табурет, молоток, молоток на палец. Как это больно? А тут молотком били, разбивали ноги. Ребра пинали, пинали на ногах сапогами, так, что сломали три ребра. Всех передних зубов лишился. Но он не подписал, не подписал признания. А Вышинский говорил: признание — и всё, больше ничего не надо, не надо никаких доказательств искать. И выбивали эти показания со страшной силой. Когда арестовали Блюхера, его так избивали, что потом его родная жена не узнала. На очную ставку вызвали жену, она и не узнала, потому что была котлета, месиво, кровавое месиво. Это стонущее, мычащее существо, всё в кровавой слизи, всё отекающее, непонятно что. Когда вот эти мучения, человек уже думает: лучше пусть ужасный конец, чем бесконечный ужас. Он говорит: «Ладно, подпишу. Черт! Давайте, только не мучайте, отправьте в камеру, дайте хоть выспаться». И подписывает. А ему уже подготовили, написали, что «да, я признаю, что я работал на японскую разведку, передавал данные, прочее-прочее, разорял армию, проводил вредительские акции и прочее, прочее». Уже написали всё, ему осталось только подпись поставить. Подпись выколачивали вот так, кровью. Мерецков был арестован в день начала войны, начальник генерального штаба. Его так избивали в ЧК, что он даже составил список по указанию Берия, в который был включен даже Жуков, что Жуков тоже состоял в заговоре против Сталина. Жукова тоже чуть не арестовали. А потом Мерецкова освободили и снова направили на фронт. И Рокоссовского так же, когда маршал Тимошенко, пришли к Сталину и сказали: «Терпим бедствие, командовать армией некому, армия бежит, потому что командиров нет, некому командовать». Посмотрите, в первую ночь немецкая авиация уничтожила половину самолетов, половину самолетов наших, на аэродромах разбила, не дав им взлететь. Склады громадные уничтожили, танковые соединения, полностью разбомбленные, разгромленные. Не пострадали только одни корабли, потому что адмирал Кузнецов объявил готовность номер один. Есть такая книга, «Готовность номер один», Кузнецов написал, адмирал, как он нарушил приказ Сталина и приказал выйти на рейд, с рейда вернее, в море кораблям и быть боеготовыми, и они отразили атаки воздушные. А Сталин 14 июня подписал указ о том, что... О борьбе с пропагандой, о борьбе с вредительством и паникерством. Что «мы с Германией находимся в состоянии дружбы, у нас заключен пакт о ненападении, все эти слухи надо [остановить] и тех, которые распространяют эти слухи о возможной войне, они являются врагами народа, их всех надо ликвидировать». 14 июня подписал, а 22-го началась война. И по его же приказу, чтобы якобы не провоцировать немцев на активные действия, он запретил отвечать на провокации, в приказном порядке. Ему докладывают с границы, что летают самолеты, нас фотографируют, что на польской границе сосредоточены громадные войска. Он говорит: «Это провокация, не верьте этому. Не надо давать слухам»... Разведчики, которые давали команду, прислали данные, они все были почти уничтожены, отозваны в Москву из-за границы, и все, как возможные паникеры и перевербованные агенты, были расстреляны. Цвет разведки был уничтожен. Это всё Сталин. Вот что страшно.

03:14:46

Когда вы знакомились с делом отца, вам разрешали фотографировать это дело? Или вы не стали, не хотели?

Да я и фотоаппарата не имел с собой, ничего не надо. Я пришел ознакомиться.

03:14:58

Там была фотография? Вот эта классическая, в фас, в профиль?

Да. Меня больше всего ударило по сердцу то, что протоколы допроса были забрызганы кровью, коричневые пятна были. Значит, отца избивали, пытали, выбивали признание. Вот что страшно.

03:15:20

От момента его ареста до момента, когда применили высшую меру наказания, сколько времени прошло?

Так, он был арестован 27 июня и расстрелян 29 декабря. Под Новый год проводилась массовая акция по уничтожению врагов народа. Чтобы не кормить их.

03:15:43

Где были захоронены люди, к которым применялась эта мера?

Самое тоже гадкое, то, что в документах не было отражено, где они захоронены. Я уже потом нашел через пять лет место захоронения. Специально нигде не отметили, потому что было массовое захоронение, массовое. Сколько там тысяч положено, никому не известно. Там тысячи расстреляны были сразу в один день. Их строили над рвом, на краю рва выставляли и из пулемета косили. Я потом уже узнал. В Прокопьевске есть такая гора Караул.

03:16:26

Караул?

Караул. Такая была остроконечная гора, на которой располагался казачий острог, то есть караульная вышка. Когда образовывалось это поселение, казаки, первые переселенцы, [нрзб] переселенцы, они там организовали караульную вышку на вершине горы, и там был сигнальный костер. Постоянно сидели наблюдатели, наблюдали: как только кочевники наступают, конница появилась далеко, пылит уже конница, нападает, они зажигали костер сигнальный и приводили в боеготовность свой острог. Острог — это маленькая крепость. И они уже были готовы к отражению. Так вот эта гора Караул была опоясана таким рвом. После начала арестов там образовали Кузбасслаг. Лагерь Кузбасслаг, как любой, любой лагерь имел свое название: Караганда — Карлаг, допустим, Вологодский — Волглаг и прочее. Так вот, Кузбасслаг располагался в этом районе горы Караул. Зона была громадная, огороженная колючей проволокой, бараки. Когда расстреливали, вырыли, заставили заключенных вырыть ров глубиной три метра и шириной три метра, ставили их и расстреливали. Потом заваливали бульдозером. Это уже местные жители рассказывали своим детям, а дети, потом от детей уже я узнал, вышел на них через знакомых, через шахтеров. Мой брат там жил сводный, родственник. Он работал на шахте. Вот он поработал в этом плане, искал эти следы очевидцев, кто это знал, кто это слышал. По этим слухам мы дошли до этой горы Караул. А потом, когда пытались чего-то добиться, эксгумацию произвести, вскрытие, уже не удалось, потому что за несколько лет до этого там нашли выходы угля на поверхность пластом и организовали открытый карьер добычи угля вскрышными работами. Эту гору Караул срыли напрочь. Там шахта «Распадская» сейчас, в Кузбассе.

03:19:27

Там никак это место расстрела и захоронения вообще не помечено? Никак?

Так вот почему, как обнаружили: когда стали вскрывать, вскрышные работы проводить экскаватором, зачерпнули экскаватором, ковшом большим землю, а там кости посыпались. Еще раз черпнули — опять кости посыпались. Вскрыли вот эту траншею с захоронениями. Но это всё тихо замолчали, поставили табу, чтобы не разглашать. Гриф «Секретно» поставили и потихоньку всё это дело уничтожили, что могли, сожгли, что могли, закопали. Всю эту могилу уничтожили. Так же, как в Томске. В Томске, в районе села Колпашево, тоже был лагерь, лагерь большой. Тоже велись расстрелы, тоже сделали ров на крутом берегу, возле крутого берега реки, и туда сбрасывали трупы. Там такое количество было уничтожено, тысячи, десятки тысяч, может быть. Всё это дело зарыли, закопали, всё нормально. А правый берег реки постоянно подмывает. Подмывает, подмывает, он обрушивается, обрушивается. И дошла очередь до этой могилы, до этого рва. Когда обвалилась стенка, обнаружилась целая громадная такая траншея, забитая костями, трупами истлевшими. Что делать? А Егор Лигачев был у власти тогда, первым секретарем. Ему поступила информация и вопрос: что делать? Он говорит: «Ликвидировать немедленно, чтобы никто не знал ничего». Они подогнали мониторы кормой к берегу и мощной струей воды разрушали эту стенку дальше. И всё это обвалилось в реку, и все эти кости, всё это ушло на дно и уплыло. Вот таким образом. Вот так же уничтожили и эту могилу, вокруг горы Караул. Таких захоронений полно. Золотая гора на Урале, это под Питером кладбище. Как оно называется?

03:22:00	Левашовское. Левашовское кладбище, да. И другие.
03:22:07	Так же как [нрзб]
03:22:08	А сколько в Магадане таких могил безымянных, где в ров бросали, закапывали. Там миллионы закопаны. Вот пожалуйста. Так что дай бог, чтобы такой режим никогда не возвратился, никогда. Самое страшное — когда у руля страны больной человек с больной психикой. Только благодаря паранойе можно вот такой организовать террор собственного народа.
03:22:45	Как вам кажется, при нормальном развитии страны возможно ли в нашей системе, чтобы обыватель, обычный гражданин перестал бояться государства? Вы согласны, что у нас обычный человек государственную власть боится и это происходит на генетическом уровне? Или это не так? Знаете, это было, но постепенно отходит. Как от болезни человек освобождается, отходит постепенно, так и это. Уходит боль постепенно, так и это забывается, забывается, забывается. Было время, когда люди боялись друг с другом разговаривать даже на эти темы, потому что не дай бог это дойдет до ЧК, это будет сразу арест, сразу арест. Даже в советское время был разработан и вышел плакат вот такой: женщина стоит с завязанной косынкой красной и палец держит вот так у губ: «Не болтай». Написано: «Не болтай».
03:24:04	Ваши родственники, знакомые, друзья, они знают, что вы работаете в органах. Вас боятся? Нет.
03:24:11	При вас могут свободно разговаривать? Могут свободно.
03:24:14	И тогда могли свободно? И тогда могли свободно.
03:24:18	И у вас дома можно было найти Мандельштама или Ахматову? Да.
03:24:22	И Солженицына? И Солженицына даже. Да, да-да.
03:24:27	Мы очень начитанная семья.
03:24:29	А Солженицына стала не опасно держать дома после 1990 года. Первое, что я прочитал, это «Один день Ивана Денисовича». Первое произведение.

03:24:41

«Денисовича» напечатали в «Новом мире» в 1960 году.

Вот, вот, вот. Это первый Солженицынский номер в «Роман-газете», был у меня на столе сразу. Потом «Раковый корпус». Потом «Мария»... «Марьян двор», что ли?

03:24:58

«Марьянин двор» [«Матренин двор»].

«Марьянин двор», да. А потом уже «Архипелаг [ГУЛАГ]».

03:25:09

По вашим ощущениям, по литературе, искусству, живописи, кто наиболее точно вот эту историю страны рассказал? Честнее всего рассказал, по кому, по Шаламову или, наоборот, по Солженицыну, по кому лучше изучать?

Они правду сказали, и тот, и другой, и Солженицын, и Шаламов.

03:25:33

Они не были дружны между собой и обвиняли друг друга в разных грехах.

Это личное... Тут и соперничество определенное сказалось.

03:25:44

На ваш взгляд, кто точнее всего сказал?

Солженицын более полно описал всё это. [В] «Архипелаг ГУЛАГ» он, например, описал от и до всю эту систему подозрения, арестов, лагерные порядки. Хотя Шаламов тоже много выложил, конечно, он в основном о Магадане писал, о лагерных порядках.

03:26:13

Когда вы создавали вот этот памятник со скорбящей матерью, вы вот этот сам рисунок, дизайн, вы сами его создавали, это ваш рисунок? Или вы разговаривали с художником, объясняли ему?

Нет, я не художник. Я создатель этих стел, проектировал. Именно скорбящую мать я выбирал из предложенных, раньше в газете, выпускалась газета «58-я статья», газета была такая.

03:26:51

Такая газета? «58-я статья»?

Да, у меня есть такая газета, я могу вам показать.

03:26:55

Покажите.

Дальше, мемориал. И где-то я видел эти снимки и вот облюбовал, хотя у меня были и другие проекты: зажженная свеча, женщина плачет, свеча перед ней горит. Короче говоря, вот такие вот. Извините, мне настолько это больно всё.

03:27:19

Папа, стакан воды. Выпей, отдохни.

03:27:26

Это не я придумал. Это нарисовано кем-то.

03:27:29

То есть выбирали уже?

Я выбирал, да.

03:27:31

То есть эта женщина не прототип вашей матери?

Нет, нет, нет. Это просто скорбящая мать, это символ, символ. Вот стихи — мои.

03:27:44

Когда вы их написали?

Я их написал, когда начал создавать памятник, по-моему, это 2[0]04 год.

03:28:00

Очень такой нехороший вопрос, но вы можете на него не отвечать. Создание памятника и то, что вы начали заниматься репрессированными, и несмотря на то, что вы сам как ребенок и, наверное, у вас статус репрессированного, — это не замаливание грехов за то, что вы работали в КГБ?

Нет, нет-нет. Нет. У меня самое честное отношение к этому. Я понимаю, что произошло в истории, что я к этому отношения никакого не имею, к репрессиям, что я работал на государство, честно служил, выявлял шпионов, лиц, которые должны были, которые наносили большой вред. Это агентура даже среди нашего населения. Но у меня не было ни одного ареста. Руки мои чистые. Я не имею никакого пепла на совести на своей.

03:29:09

Ну вот сейчас, когда вдруг появились снова этот вот статус иностранного агента или появились дела снова о шпионаже, когда появился статус шпиона — тут ученый, тут журналист. Это шпионы? Ну по-вашему, шпионы?

Шпионы.

03:29:28

Шпионы?

Да, шпионы. Ну как вот. Вот смотрите, арестовывают американского деятеля, работника посольства. Поуп такой был. Поуп, не помните? Не помните. Арестовывают, документируют всю его деятельность по получению шпионской информации. Ему сотрудник военного института, военной академии, принес схему работы ракеты «Шквал», над которой работали наши ученые более 20 лет. Это подводная ракета, торпеда «Шквал», которая летит почти как в воздушном пространстве, потому что она летит в пузыре плазменном, она не испытывает трения воды. Создается плазменный пузырь, она с бешеной скоростью идет под водой. Это универсальное изобретение, уникальное изобретение, над которым работали более 20 лет наши ученые. Этот профессор, извините, за доллары приносит чертежи этому Поупу, который [его завербовал]. Это всё задокументировано, заснято. Так он шпион или не шпион? Конечно, шпион.

03:30:49

Как вы к Суворову относитесь? Который «Ледокол» написал.

Виктор.

03:30:53

Знаете, двоякое. Во-первых, это диссидент, это возможный предатель родины. А с другой стороны, он написал очень правдивую историю о том, как развалилась советская армия, почему потерпели поражение. У нас были прекрасные вооруженные силы и на границе, и в глубине, в глубоком тылу. Были укрепрайоны, которые могли отразить нападение противника, успешно не пустив его вглубь страны. Но они были все разрушены по приказанию Сталина, когда передвинули границу на запад по пакту Молотова-Риббентропа, когда вернули часть Белоруссии, Украины западной в состав России, граница подвинулась на запад. Тогда Сталин дал указание разоружить УРы, укрепрайоны. Их у нас было восемь, восемь, от Черного до Балтийского моря. На самых проходимых для войск участках, там, где войска могут хорошо проходить, были установлены укрепрайоны. Это мощные бетонные сооружения, там целый город почти внизу под ним, свое водоснабжение, своя канализация, склады с продовольствием, с вооружением, снарядами, с мощными артустановками. Раздвигается бетонная стена, жерло орудия вышивается, там любую танковую колонну можно расстрелять. Мощные сооружения были сделаны. Потом, когда границу передвинули, Сталин дал указание снять всё это оборудование, переместить на запад, потому что здесь они не нужны, «будем воевать малой

кровью на чужой территории». Это его слова, Сталина. Знаете?

03:32:57

Да, знаю.

Ну вот. Разоружили, вывели в чисто поле горы оружия, горы обмундирования. Они оказались под первой атакой немцев. Всё разгромили, всё захватили. Воевать нечем. Было так, что на двоих одна винтовка была. Мой тесть, отец моей жены, мне прямо лично об этом рассказывал, «Меня забрили, — говорит, — туда, сорокалетнего мужика, привезли на фронт нашу бригаду, а у нас на двоих одна винтовка была. Как это, воевать? У немцев “Шмайсеры”, автоматы, которые делают 120 выстрелов в минуту, а у меня винтовочка одна на двоих».

03:33:52

Мосина тем более.

03:33:52

Вот попробуй повоюй. И командовать — такой сопляк стоит, лейтенантик, который только-только вылутился из военного училища, трехмесячная подготовка, который сам ничего не знает, сам стрелять не умеет, и он командует. Всё руководство уничтожено. Найдите эту книгу, почитайте. Страшная книга. И еще найдите одну, «Кровавые игры диктаторов. Сталин и Гитлер». У меня она есть, я вам могу... Она в интернете есть.

03:33:52

Мы сфотографируем просто. Я закончила, если бы вы мне показали газету «58-я статья»...